

Некоторые соображения товарищей по Осумбезу

Всеволод Емелин **Неэвклидова топография**

... всегда у железной дороги, ну если не у железной дороги, то у шоссейной, или у автобусной линии, или командировка там... Но все-таки всегда у железной дороги. Структура прозы Данилова напоминает схему, огромную электронную схему всех железных дорог РФ в МПС (сам по телевизору видел). Кровеносная система, где частички крови снуют, почему-то, взад-вперед в броуновском хаотическом движении. Но этот хаос организован в железный порядок, но кажущийся хаосом, но порядок... Или (извините за выражение) ризома (термин Ж. Делеза) – перманентно разрастающаяся и отмирающая грибница без четких границ и центра. Центра (сюжета, героев) у Данилова не то что нет – они есть, но имеют характер сканеров, лишь фиксирующих ползучую аморфность мира (и текста) или текста (и мира) Дм. Данилова.

И всегда на окраине. Но окраина всегда странная: в какую сторону ни скачи хоть десять лет, все равно до края этой даниловской окраины не доскачешь. Ни до города настоящего, ни до девственной (еще раз про-

стите) природы. Граница, разросшаяся до безграничности. Оксюморон, в общем. Данилов любит оксюмороны. «Былинное безобразия», «нищенская торжественность»... На бескрайней окраине и предметы теряют четкость очертаний. Поэтому у Данилова (вообще-то обладающего наблюдательностью четырехмегапиксельной цифровой камеры) любимая связка «то ли – то ли» («или – или»). На девке – «то ли платье, то ли что-то еще», умер «или дальний родственник, или родственница», что-то «или летает, или ползает». Описание незаметно переходит в прямую речь и обратно. И все пульсирует, живет своей загадочной, но строго организованной жизнью. Как в часах колесико цепляет десяток других, так и в прозе Данилова слово приводит в движение десяток новых слов, образ – десяток новых образов, мысль – десяток новых мыслей. Но часы у автора получаются какие-то мягкие, что ли. И показывают не совсем время. В общем, концептуальность типа, смесь Гераклита с Парменидом, все течет, ничего не меняется, одним словом, рассказы Дмитрия Данилова...

Мирослав Немиров

– Медитативная вещь получилась, – так охарактеризовал свое новое сочинение «Черный и зеленый» Д. Данилов, передавая мне рукопись.

Врать не буду, я испугался.

– Харикришну что ли собрался пропагандировать? На *** надо! – испугался я.

Оказалось, нет. Оказалось, это о том, как он, Данилов Д., в третьей четверти 1990-х, в поисках заработка, торговал чаем, черным и зеленым: вразнос, как некогда офени: брал чай на базе (под залог паспорта), загружал им сумки, уезжал подальше от Москвы и там носил по конторам-баням-парикмахерским, предлагая людям – покупать. И за счет этого – жил.

Впрочем, на самом деле, повесть – не о проблемах торговли чаем. Основное – главное – содержание большинства сочинений Данилова – «ЧиЗ» в том числе – описание самого процесса течения жизни, точнее – описание процесса переживания ея – медленного, равномерного итд. переживания медленно-го, равномерного и однообразного течения ея. То есть, это действительно примерно «медитативная» проза, если под «медитацией» понимать не сидение в позе лотоса и зажигание вонючих палочек, а – научение вот именно такому полубесстрастному – полуслегка восторженному восприятию этого процесса. И радости от того, что процесс – идет, причем именно непрерывно равномерно и неуклонно. Несмотря на всякие завихрения, которые кипят вокруг – бури жизни итп, бедность, прочие страсти и ужосы.

Путеводитель по городам слишком напоминает журнал «Столица» («Большой город») – довольно мерзковатое издание. Путеводитель – хороший почтенный жанр (и маргинальный, что ценно), но здесь он совершенно ни к чему. Шатура, Дмитров, тд, тп – и надоедает, тем более, я там не был. Лучше бы эти

описания растворить в тексте.

Таково мое мнение. Возможно, оно банально – я вообще, как известно, большой специалист по высказыванию с пылом и жаром банальностей и общеизвестного и очевидного: такова моя планида.

Георгий Манаев

Дома, склады, гаражи, заборы... Железные дороги, рынки, курсирование маршрутных такси, люди, движение больших масс людей. Творческое внимание Дмитрия Данилова обращается на статичные в пространстве либо во времени объекты, явления; на постоянно и равномерно (а значит, согласно законам физики – спокойно) текущие процессы. Эти, на первый взгляд, незначительные явления интересуют Данилова как писателя гораздо больше, чем вспышки и взрывы крупных и ярких жизненных событий.

Средства и приемы, используемые Даниловым в его рассказах, соответствуют предмету описания. Мастер бытового диалога, он крайне экономично использует прямую речь, предпочитая косвенную, которая лучше передает бессодержательные «фразы, означающие молчание». Данилов также не стремится ни к сюжетности, ни к завершенности – он предпочитает выхватывать из темноты один из периодов вялотекущей жизни, не имеющий ни начала, ни конца. Историю монотонных движений органических и неорганических объектов Данилов излагает скупко, используя одни и те

же эпитеты. Цикличность, повторяемость событий практически вводит читателя в транс – и достигается та «медитативность» прозы, которая, пожалуй, и является одной из главных характеристик творчества Данилова. Читайте.

Герман Лукомников

Я Д. Данилова не читал, но скажу.

Зря его путают с Д.Давыдовым, это два разных человека.

Если на то пошло, Д. Данилов гораздо больше похож на меня, это многие отмечали: он тоже толстый и бородатый.

Хотя Д.Давыдов тоже на меня похож, и это тоже многие отмечали, хотя Д. Давыдов не толстый, да и бородой обзавёлся недавно.

И вот, хотя Д. Данилов и Д. Давыдов оба на меня похожи, но совсем не похожи друг на друга, а похожи только их фамилии, вернее, имя одного напоминает фамилию другого.

Но в данном случае Д. Давыдов абсолютно ни при чём, поскольку вы держите в руках книжку Д. Данилова.

Софроний

Есть фразы, неизменно вызывающие какое-то болезненное изумление. Например: «Давай, Гонсалес,

скорей тарелку!». Или – «Тогда Федька уложил вещи в чемодан и уехал во Владивосток». Онейроидные трагедии Дм. Данилова – из той же оперы: иероглифичность, разорванность, фрагментарность мельчайших (вплоть до специфической временами орфографии–пунктуации) атомов масштабного временами повествования странным образом взаимодействует с немолчным, непрерывным, безумно монотонным гулом, и в этом–то и заключается главный пуант даниловских экзерсисов. Отличие гула от шума: гул издает исправная машина письма, и когда она работает, язык уже не берётся в расчёт, как это происходит в случае с шумом, вслушиваясь в который прежде всего пытаются выделить значащие единицы, т.е. то, что может быть языком, и отбрасывают всё то, что не может. Постпсихотический мир господина Д. принципиально асемантичен и асимволичен, лишён всех родовых признаков вещественности; в силу этого он более или менее бескомпромиссно противостоит (если он вообще может противостоять чему–либо) шуму и, прости Господи, ярости так называемой материи. Сплошные леса. Скоро Александров. Скоро Александров. Подумать немного. Скоро Александров. Александров. Приехали.

Андрей Родионов

Мирослав Немиров, как настоящий бандит, требует, чтобы мы выстрелили в голову каждому. Чтобы все бы-

ли повязаны кровавой связкой. Я подхожу.

Текст прозаический – это даже больше, чем какая-то там песня. Долгий и мучительный период творчества, который в стихах может быть сразу озвучен, в прозе еще более отдален от читателя. Путь прозаика – горе. Что же путь читателя?

Возможно, терпение. И Терпение.

Наступают времена, когда все надо делать быстро. Не важно даже как.

Дмитрий Данилов пишет так.

Я не думаю, что у этой книжки будет очень попсовый читатель. Тот читатель, что будет у этой книжки, прочитает ее, что бы я ни написал. Я лишь хочу сказать, что, как некоторые не читают стихов, я стараюсь не читать прозы. Но эту прозу я прочитал. От корки до корки.

Владимир Никритин

«Видел завитки, видел плоскость, смотрел на шипы, видел ботинки, видел клеточки, насыщенный день.»

Из одного Живого Журнала.

Для начала – проснитесь. Наденьте белую рубашку, подтяните трусы, сядьте по возможности прямо, сделайте строгое лицо и вдумчиво опохмелитесь, если вчера пили. А если не пили – немедленно выпейте (да, именно). Вот теперь – можно.

Вы знаете, что такое Грусть Стороннего Наблюдателя? Вы чувствуете непричастность, Космическую, пря-

мо–таки, непричастность свою ко всему, происходящему в бЭдном мире нашем? Нет? Тогда – читайте. И, если да, – всё равно читайте.

Дмитрий Данилов – невероятный автор. Все его (ну да, так скажем) Персонажи (а ведь каждая пылинка на дороге, коей следует лирический его герой – тоже Персонаж!) влекомы неведомыми и неумолимыми законами Надмирной Бессмысленности (уж простите); не имея никакой возможности влиять на движение своё, они в пути подмечают каждую чёрточку, каждый, пусть самый незначительный штришок окружающего их, на данный, отдельно взятый момент, пейзажа, чтобы в Сердце своём (Вэй! Данилов каждую пылинку наделяет (простите мне и это) маленьким тёплым Дрожащим Сердцем) сохранить их Отражение.

Мир, описанный Даниловым, Печален и Нелеп, почти как и мир, в котором проживаем мы с вами, но это прекрасный мир. И красота его чувствуется только тогда, когда отстраняешься, отходишь в сторону от его суеты, от хаотического движения объектов. Когда отстраняешься – видишь, что в этом Хаосе есть свой Порядок; прекрасный, геометрически стройный порядок... Порядок, в котором ты не участвуешь, в котором ты, да, Лишний – но именно Это позволяет тебе им восхищаться... Да.

Такие дела. А теперь, пожалуйста, выпейте–ка ещё. Выпейте – и забудьте обо всём этом моём словоблудии.

Читайте. Наслаждайтесь. Печалуйтесь.
Наблюдайте.

Автор благодарит:

*жилые дома, сараи, административные
и промышленные здания,
железные и автомобильные дороги,
железнодорожные станции, автовокзалы,
деревья, кустарники, заборы,
пустыри Москвы, Московской области
и прилегающих областей,*

а также

***Дмитрия Александрова,
Максима Белозора,
Всеволода Емелина,
Германа Лукомникова,
Георгия Манаева,
Мирослава Немирова,
Гузель Немирову,
Владимира Нескажу,
Владимира Никритина,
Андрея Родионова,
Михаила Сапего,
Софрония,
Дмитрия Шагина,***

без которых не было бы этой книги.

Черный и зеленый

Получилось так, что в определенный период жизни пришлось торговать чаем, вразнос. Хорошим цейлонским (обычно) чаем, реже – индийским, еще реже – китайским. В основном, цейлонским. Черным и зеленым. Так сложились обстоятельства.

Но это потом было, а сначала было другое.

Дорога Между Гаражами

Работал в информационном агентстве Postfactum. Три раза в неделю надо было написать обзор прессы, чтоб к утру был готов. Обзор вставлялся в ленту новостей, которую потом продавали подписчикам за деньги, впрочем, без особого успеха, судя по событиям, которые произошли позже.

То есть, надо было приходиться поздно вечером, ночью. Это было зимой. Жил в Митино. Postfactum располагался в огромном кубическом здании в районе метро Ленинский проспект. Уходил из дома поздно, в десять, в одиннадцать. Большинство людей ехало, наоборот, домой, в светящееся теплыми уютными огнями Митино. Это было неприятно. Ехал в холодном автобусе номер 266 до метро Тушинская. В автобусе холодно, окна покрыты толстым слоем замерзшей воды,

и не видно, что происходит на улице. Местоположение автобуса определялось благодаря телесным ощущениям, возникающим при поворотах: вот повернули на Первый Митинский, вот повернули на Пятницкое шоссе. Вот повернули к метро. Метро Тушинская. Народу мало. До Китай-города, переход там удобный, просто перейти через платформу. До Ленинского проспекта.

Дальше можно было двояко. Первый маршрут – длинный и ужасный. Второй – тоже длинный, но покороче, но еще более ужасный.

Первый. Вышел из метро, это тот выход, который ближе к улице Вавилова. Углубился в переулки. Глухие, пустые. На улицу Орджоникидзе в сторону Серпуховского вала. Потом направо, опять в пустынные переулочки. Если посмотреть наискосок, можно увидеть Донское кладбище за кирпичным забором, и там, вдалеке, в глубине кладбища возвышается такое неприятное здание, серое, там, вроде бы, находится Первый Московский крематорий. А напротив кладбища – здание Университета Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы, огромное, с белыми на красном фоне колоннами, похожими на кости в ошметках мяса. В переулочки, поворот, еще поворот, еще немного вперед – и вот уже огромное кубическое здание, где располагается информационное агентство Postfactum.

Второй. Вышел из метро, тот же выход, но надо сразу на улицу Вавилова идти. Перейти улицу Вавилова. Дальше – просто дорога, не улица, а Дорога Между Гаражми. Очень длинная и довольно широкая. Как только

человек отрывает ногу от улицы Вавилова и ставит ее на Дорогу Между Гаражами, на Дорогу Между Гаражами выходит примерно 20-30 собак. Они начинают лаять, громко лаять, и лают все время, пока человек идет по Дороге Между Гаражами, идет сквозь строй лающих собак. Они просто лают, не приближаясь и не нападая. Если к этому привыкнуть, то можно просто идти и считать, что играет какая-то необычная музыка, или что это шум ночного города. Справа, параллельно Дороге Между Гаражами, проходит Окружная железная дорога, там товарная станция Канатчиково, а за железной дорогой – ТЭЦ, исторгающая пар. Лай собак, шум поездов, диспетчеры станции Канатчиково переговариваются по громкой связи, регулируют транспортные потоки. Идти, идти дальше, собак уже не слышно, впереди горят уличные фонари – и вот уже огромное кубическое здание, где располагается информационное агентство Postfactum.

Охранник что-то ворчит, поздно приходите, надо раньше приходите, а вы поздновато, да, поздновато приходите, надо раньше, часов в девять, а вы очень поздно, вы давайте, давайте-ка пораньше, а то поздно очень, да. Его можно не слушать, хотя лучше показать, что слушаешь, ему будет приятно, это примерно как собаки на Дороге Между Гаражами, главное не дергаться. Наверх, наверх. Вахта, уже непосредственно перед офисом. Тоже охранник. Поздно вы опять приходите, вы в следующий раз пораньше давайте, ладно? Ладно. На вахте – стопка газет. Российская газета, известия, комсомольская правда, московский

комсомолец, правда, российские вести. Из этой стопки надо сделать обзор. Большой зал с огромным столом посередине. Этот зал иногда использовался для пресс-конференций, Горбачев, там, или Явлинский выступали перед журналистами иногда, а по стеночке – столы с компьютерами. Это рабочее место. В углу работающий телевизор. Надо сесть за компьютер и при помощи программы MS Word 5.5 (досовская программа, синенький такой фон, белые букочки) написать обзор, чтоб к утру, к девяти часам, был готов.

Садился смотреть телевизор, ложился смотреть телевизор. Было очень удобно лежать на огромном столе и смотреть телевизор. По телевизору показывали. Ближе к часу ночи начиналась сплошная, почти до утра, программа биз-тв, это в честь, кажется, Бориса Зосимова она так называлась, он был хозяин этой программы, а потом сделал над собой усилие и организовал в России программу эмтиви, а программа биз-тв была им мужественно прекращена. Программа биз-тв вся состояла из клипов. Часто показывали клипы Лены Зосимовой, однажды было с ней интервью и она рассказывала, как папа долго не пускал ее на большой телеэкран, дескать, еще низок профессиональный уровень, надо расти, ты должна быть лучше всех, и она чуть ли не плакала в подушку и росла профессионально и, видать, выросла, потому что ее стали очень часто показывать по программе биз-тв, и все увидели, насколько она выросла профессионально. В ротации постоянно крутилось примерно пять клипов Лены Зосимовой, и каждый клип за ночь показывали

раза три-четыре. Еще частенько показывали Ирину Салтыкову, поющую что-то про серые глаза. Мелькала еще (обычно ближе к утру) группа Агата кристи с депрессивной песней про тайгу и луну, что-то такое, облака в небо спрятались, хорошая песня. Еще были другие исполнители разные, но редко. Потом просто засыпал на столе, укрыться было нечем, было холодно и жестко, и толком уснуть не удавалось, часа в четыре биз-тв исчезало. Вставал, рассматривал газеты. Писать нечего, не о чем. Ничего не произошло. Что же написать? Нет, что-то, конечно, происходило. Ох. Еще поспать. В шесть утра опять начиналось биз-тв, а по другим каналам бодряческие антипохмельные передачи из серии доброе утро. Смотрел, бодрился. В восемь уже начинали подтягиваться первые, самые дисциплинированные сотрудники – редакторы, журналисты. Ну как, написал? Нет еще, заканчиваю, сейчас, немного еще осталось. Садился писать. За сорок минут писал четырехстраничный обзор. «Ничего не произошло» превращалось в «что-то все-таки произошло». Без десяти девять обзор отдавался выпускающему редактору, симпатичной невысокой худенькой женщине с немного гротесковым, но очень симпатичным лицом, имя и фамилия стерлись из памяти, она просматривала, говорила «нормально», можно было идти.

Обратно идти и ехать было уже повеселее, чем ночью ехать и идти туда, но все-таки не очень весело. Недосып, тупая усталость от отягощенного работой безделья, голос Лены Зосимовой в ушах и сердце. Со-

баки на Дороге Между Гаражами уже не лаяли, вернее, лаяли, но их лай растворялся в лае людей, которые ремонтировали машины и спорили о стоимости кузовных работ. Белый день, трамваи. В ларьке покупал какое-нибудь пищевое вещество, чипсы или пепсиколу, ехал домой. Возвращаться домой лучше вечером, чем утром, тем более поздним утром, даже днем, когда уже все мельтешат и истязают себя действиями. И Митино вечером гораздо уютнее, чем утром и днем, вечером уютно и тепло горят огоньки, а утром и днем работает радиорынок, на Пятницком шоссе пробки, мокрая снежная жижа, и спать уже толком не хочется, и начинается какая-то мелкая, суетливая деятельность, имеющая целью дожить до вечера, до ночи и уже наконец уснуть. А весь следующий день отравлен необходимостью вечером выходить из дома в холод и ехать на Ленинский проспект и идти по Дороге Между Гаражами или смотреть наискосок на Донское кладбище и Первый Московский крематорий и слушать Лену Зосимову и в восемь утра писать обзор и ехать обратно унылым белым днем в Митино.

Денег обещали платить много и регулярно, а платили мало и нерегулярно. Чтобы добиться выплаты денег, надо было несколько раз позвонить какому-то начальнику и сказать, что денег до сих пор не заплатили, и раз на четвертый-пятый он говорил подъезжай, подъезжал, получал деньги, мало. Но деньги. А через несколько дней подходил день очередной зарплаты, и опять звонить, и подожди пару дней, позвони на той неделе.

Весной полегче стало, Дорога Между Гаражами подсохла, но собаки лаяли, как и зимой, и даже с большим энтузиазмом, наверное, из-за бурлящих в них весенних жизненных сил. Обратно идти-ехать тоже получше, поприятней – солнышко, листочки. Хотя, в сущности, какая разница.

Заговорился с женой, спорили о чем-то, препирались, а уже половина первого ночи, побежал к оставке, ждал, ждал, подошла маршрутка. Уже во втором часу подъехали к метро Тушинская. Поезда до Планерной еще ходят, а в центр уже не ходят. Тепло, хорошо. Пошел пешком в центр, через туннель под каналом, мимо большого магазина с круглосуточным обменным пунктом, по мосту через Рижское направление Московской железной дороги, слева виднеется платформа Покровское-Стрешнево, медленно и гулко едет товарный состав, все подрагивает, дальше через зеленые заросли Покровского-Стрешнева, по мосту через Окружную железную дорогу, справа виднеется товарная станция Серебряный бор, там ведутся маневровые работы, вагоны перетаскивают туда-сюда, медленно и гулко едет товарный состав, все подрагивает, вообще, Окружная дорога предназначена только для грузового движения, а жаль, было бы интересно проехать по ней в электричке, хотя Окружная дорога не электрифицирована, но можно было бы пустить так называемый дизель-поезд, дальше сквозь район Сокол, мимо метро Сокол, здесь уже ощущение, что ты в центре, огни, все сияет, мимо метро Аэропорт, справа аэровокзал, слева Петровский замок, в кото-

ром военно-воздушная академия имени Жуковского, там готовят смертоносных летчиков, дальше, мимо стадиона Динамо, это уже считай центр, слева гостиница советская, справа ажурный дом, памятник архитектуры, Ленинградский проспект дом 27, хорошо, что так получилось, что заговорился и пришлось идти пешком, приятно идти пешком по Москве весенней теплой ночью, мимо фабрики то ли большевик, то ли большевичка, нет, большевичка – это где костюмы шьют, а это, наверное, большевик, кондитерская фабрика со сладким запахом, Белорусский вокзал.

Метро еще не ходит, а уже как-то устал, надо посидеть. Пошел на вокзал. Заплатил милиционеру семь тысяч рублей за возможность сидеть. Стоять можно было бесплатно, а для того, чтобы принять сидячее положение, надо заплатить. Заплатил, сел. Подремал. Милиционер гонял бомжей. Утро, метро заработало. Пошел в метро, сел в синий поезд, поехал на Ленинский проспект. Дорога Между Гаражами, собаки. Охранник удивился, что-то вы рано, вы же говорили пораньше, вот рано пришел. Восемь утра, начал писать обзор. В десять закончил. Посмотрел немного телевизор, ночью ведь не удалось, Лена Зосимова, Агата кристи, облака в небо спрятались. Уже народу много пришло, люди уже работают, телевизор уже нельзя смотреть. Пошел домой.

Платят все меньше и реже. Говорят, сейчас-сейчас. Слышал краем уха, что Postfactum нанял кучу сейлс-менеджеров на процент, чтобы они в срочном порядке

продали всем, кому только можно, ленту новостей и другие продукты агентства. Говорят, сейчас все наладится.

Начало лета. Звонят как-то домой, говорят, подъезжайте в агентство. Днем, причем. Подъехал. Говорят: сейчас денег вообще нет, платить мы вам не можем, так что вы пока свободны, но скоро все наладится, и мы вам позвоним.

В последний раз прошел по Дороге Между Гаражами. Собаки приветственно-прощально лаяли, а люди спорили о стоимости кузовного ремонта.

Перистые облака

«Работа для вас», «Работа сегодня», «Из рук в руки». Нет работы. Нет редакторской, журналистской работы. Надо, как это называют некоторые, «кормить семью». Объявление: что-то про книги, про книготорговую сеть. Пошел.

Около метро Аэропорт, в подвале. Фирмочка, торгующая оптом книгами и открытками. Сизов торговал на вокзале рождественскими открытками. Его поймали, связали, и вот он умер под пытками. Книжки, как и открытки, не свои. Покупают книжки и открытки, продают книжки и открытки. Работают по Москве, Московской области и немножко по соседним областям. Было, например, сказано: мы очень агрессивно работаем во Владимирской области. Хозяин – улыбочиво-хитрый дядька, бывший театральный режиссер, сыплет

шутками. Намекает на то, что вы (пришло несколько соискателей), я вижу, люди интеллигентные, может быть, творческие, надо отказаться от своих амбиций и быть просто распространителями книг и открыток. Он вот, значит, тоже театральный режиссер, отказался от творческих амбиций и теперь он просто владелец маленькой оптовой фирмочки по продаже книг и открыток. Почему бы и нет. Почему бы и не отказаться от амбиций автора никому не нужных ночных обзоров прессы и не стать распространителем книг и открыток. Нормально.

Весь подвал хаотически завален пачками книг и открыток. Схема работы такая. Взять прайс-лист на продукцию и альбом с образцами открыток, оставив в залог сто тысяч рублей (альбом с открытками – материальная и чуть ли не духовная ценность). По заданию главного менеджера (второй человек в фирмочке, тоже приветливый, улыбающийся молодой дядька) поехать по определенному маршруту, посетить определенные торговые точки и предложить им закупить товар. Товар с собой возить не надо (кроме образцов открыток), потом на газели товар развозят по точкам в соответствии с заказами. Открытие новых точек приветствуется. Оклада нет, только процент. При нормальной работе в месяц должно выходить примерно два миллиона.

Ну ладно, давайте попробуем. Спросили: далеко поехать сможешь? Да. Маршрут: Киржач – Карабаново – Александров – Струнино. Своим ходом, то есть, электричками. Вот адреса магазинов. Вот прайс-лист. Вот

альбом. Вот сто тысяч рублей в залог за альбом. Вот деньги на дорогу.

Почему-то захватила, очаровала перспектива такой поездки. Это ж надо – Киржач. Да еще и Карабаново. Душевный подъем, ветер дальних странствий, как перед дальним путешествием. Было еще рано, и не поехал сразу домой, а доехал до Тушинской, потом на автобусе до платформы Трикотажная, оттуда на подмосковном автобусе номер 26 по петляющему Путилковскому шоссе и сереньким химкинским улочкам до станции Химки, на электричке до Ленинградского вокзала, потом на метро до Тушинской и на автобусе номер 266 в Митино, домой. Приятно ехать, удовольствие от процесса езды, от мелькающих за окном неприметных, угрюменьких пейзажей. Переночевал у мамы, в районе Курского вокзала, потому что ехать рано.

Встал в четыре, пошел на Ярославский вокзал. Лето, прохладно-тепло, приятно. Купил билет. Электричка на Александров I. А есть ведь еще Александров II, да. Поехали. Пронесются неказистые куски Москвы, Северянинский мост. Платформа с диковатым названием Лось. Она особенно диковато выглядит и звучит из-за того, что перед ней была станция Лосиноостровская. Лосиноостровская. Следующая Лось. Интересно, есть где-нибудь станция Белка или Хорек или Морская Свинка или Осел? Нет, не интересно. Замелькала дачность. Тайнинская. Где-то здесь взорвали памятник Николаю II. Памятник стоял просто в поле. И его

взорвали. Мытищи. В вагоне еще два пассажира, они сидят друг напротив друга, и один все время говорит своему спутнику агрессивные слова: у, гад или у, сука, гад или у, падла, сволочь, гад и так слегка размахивает руками и делает как бы страшное лицо, а тот, другой, непонятно как на это реагирует и реагирует ли вообще, он совершенно неподвижен и молчалив, и непонятно даже, жив ли он. Софрино. Здесь находится фабрика, производящая церковную утварь, огромное производство, свечи, иконы, облачения, чуть ли не гробы даже. На фабрике крупными буквами написано Русь святая храни веру православную. Директор софринской фабрики ездит на большом красном джипе. Вошли контролеры. Ваш билетик. Прокомпостировали. Сергиев Посад. Невозможно высокая ажурная колокольня, синяя с белым. У тех двоих билетов не было, и их вывели, значит, тот, второй, все-таки, был жив, потому что он тоже вышел, подал признаки жизни. Сплошные леса. Скоро Александров. Скоро Александров. Подремать немного. Скоро Александров. Александров. Приехали.

Александров – железнодорожный узел, скопление транспорта и людей. Здесь останавливаются все поезда, идущие по Ярославскому направлению. Даже великий поезд Москва – Владивосток здесь останавливается. Диктор все время объявляет прибыл поезд, отправляется поезд, на таком-то пути, с такого-то пути. Поезда ездят туда-сюда. Чуть вдали бесконечными рядами стоят товарные вагоны.

На соседнем пути – электричка. На ней написано

Орехово-Зуево. Это как раз то, что нужно. Говорят, на станции Орехово-Зуево орудует банда, которая ночами грабит проходящие поезда Нижегородского направления. Купил билет до станции Киржач. Электричка заполнена рабочими, которые, судя по всему, едут работать. Рабочие трезвые, бодрые, улыбающиеся, и можно даже подумать, что предстоящий труд доставляет им радость, и так, наверное, и есть. Рабочие что-то оживленно обсуждают, говорят про третий цех. Хорошие рабочие. Поехали. Станция Карабаново. Рабочие вышли и пошли работать. Сюда надо будет еще вернуться, здесь книжный магазин, возможно, жаждущий открыток или даже книг. Станция Бельково, пустая станция в чистом поле, но это тоже, хоть и маленький, но железнодорожный узел, одна линия идет на Орехово-Зуево, а другая на Иваново и Кинешму. Просто маленькая станция, павильончик, низкая платформа. Никого. И поле. Ясно, что здесь нет книжного магазина, не было и никогда не будет. Грустная станция Бельково. Дальше. Остановочный пункт 138 км. Голое место. Однако, если здесь учрежден остановочный пункт, значит, где-то поблизости притаилась жизнь, не видимая из окна проходящего поезда. Станция Киржач.

Электричка поехала дальше, в Орехово-Зуево, где орудуют бандиты. На станции Киржач тихо. Города как-то не видно. Разузнал, расспросил. Да, книжный магазин есть, но он в городе (что, если разобраться, логично). До города идти надо, милоч. Минут двадцать, может, полчаса. Там, на площади, увидишь.

Спасибо. Рано еще, есть еще время. Забрел в какой-то тихий (здесь все тихое) дворик, сел на лавочку. Хороший день, небо, как это обычно случается, голубое, в небе облака, очень высокие, они, вроде, называются перистые, такие, говорят, были в небе после падения Тунгусского метеорита. Смотрел на небо. Присутствия людей не ощущалось. Только скрипнула дверь в стоящем рядом домике, и вышел человек, и ушел. Тихо, небо. Как-то стало хорошо и все равно. Все равно, что будет, просто хорошо, неважно, купят открытки или книги или не купят или просто даже пошлют, и если не удастся заработать денег или удастся, все равно, хорошо, ровно, неподвижно. Равнодушная радость разливалась по тихим деревянно-бетонным окрестностям. Можно так сидеть до конца рабочего дня, до последней электрички, потом отчитаться о поездке, сказать: достигнуто состояние тишины путем созерцания облаков. Но это было бы неправильно с точки зрения продаж, менеджмента. Фирма направила, дала денег на дорогу, возложены определенные надежды, и надо этим надеждам соответствовать.

Уже почти девять, пошел в город. Мост через речку, речка называется Киржач. Дошел до тихой оживленности. Площадь, книжный магазин. Состояние радостного равнодушия сохраняется. Вошел. С кем я могу поговорить. Я представляю фирму такую-то, мы распространяем книги и открытки, да-да, мы у вас заказывали, да, месяц назад, а у вас есть с собой, покажите, ой, девчонки, смотрите, открыточки какие, девчонки, идите сюда, это из Москвы, да, ой, ну прелесть

просто, открыточки, я бы вот такую взяла, почем такие, а вот эти, ой, смотри, с днем рождения, а вот гляди, твой пупсик, миленькие какие, прелесть просто, а эта даже с музыкой, ой, я бы себе, конечно, взяла, а для магазина мы сейчас не сможем, денег совсем нету, лето сейчас, это осенью хорошо, а так чтоб для себя у вас можно, нет, жалко, только образцы, мы только оптом, жалко, вы ближе к осени приезжайте, в магазине деньги будут, учебники, тетради будут все покупать, как раз открыточки тоже к первому сентября, приезжайте, а сейчас нет, никак не получится, вы приезжайте ближе к осени, спасибо, такие открыточки милые, вот ведь как у вас там в Москве делают, надо же, вот умеют же, спасибо вам, до свидания, до свидания.

Хорошо, тихо, радостно. Все равно. Прошелестела под мостом речка Киржач. Вернулся на станцию. Теперь надо в Карабаново. Скоро уже электричка. Медленно проехал какой-то мелкий унылый поезд. И опять тихо. Стрекохут насекомые. Пахнет шпалопродукционным веществом.

Теперь обратно. Пустой остановочный пункт 138 км. Грустная станция Бельково. Станция Карабаново. От станции под косым углом отходит нечто среднее между улицей и просто асфальтированной дорогой. Слева просто трава и беспорядочные деревья, за ними – железная дорога. Справа – тоже трава и беспорядочные деревья, за ними – торцами стоящие к дороге – улице серые четырехэтажные дома. Больше ничего. Беспорядочно бродят потерянного вида люди. Немного в стороне невеселые дети играют неизвестно во

что. На некоторых домах заметны номера. Сориентировался по номерам. В одном из домов – крошечный книжный магазин. Вошел. Пусто. На полках вроде бы книги, но то, что здесь продается, трудно назвать книгами, это просто более или менее аккуратно нарезанные и сшитые стопки бумаги, что-то такое про домашнее консервирование, ремонт автомобилей, какие-то альбомы для раскрашивания. Продавщица, она же товаровед, она же вообще все здешнее. Да, помню, мы у вас заказывали, можно прайс на книги, смотрит, делает пометки в бланке заказа, открыточки покажите, да, открытки у вас хорошие, давайте я у вас возьму вот этих десять и вот этих пятнадцать, больше сейчас не получится, лето все-таки, но вообще они у нас хорошо идут, мы ближе к осени у вас еще возьмем, побольше, конечно, приедете, да, конечно, приеду, спасибо вам, спасибо вам, до свидания, до свидания.

Первый заказ, но ощущения примерно такие же, как и в Киржаче, хотя там никакого заказа не было. Нормально. Электричка до Александрова будет теперь не скоро. На автобусе. Полуразваливающийся, похрюкивающий автобус отвалился от станции Карabanово, похрипел недолго и причалил к станции Александров.

Напротив станции Александров стоят два дома. На одном из них сверху написано слава чему-то, вроде, труду. В этом доме, внизу – книжный магазин. Почти в подвале. Как-то темновато там. Переговоры вел мужичок. Собственно, переговоры ограничились заявлением мужичка о том, что ничего они у нас брать не

будут. Дорого, мол, невыгодно, вот если бы вот такие были бы условия, тогда бы да, а поскольку они не такие, то тогда нет. И еще если б на реализацию вы давали, тогда да, а вы не даете, тогда нет. Понятно. Спасибо, до свидания. До свидания.

Организм потребовал восстановления. Купил ему изделие из теста и мяса, что-то вроде пирожка, в пристанционном ларьке. Попил газированной воды. Купил еще одно изделие из теста и мяса, что-то вроде белыша. Возникла небольшая сытость, и радостно-равнодушное состояние, достигнутое в Киржаче, постепенно развеялось. Стало обычно. Ум занялся подсчетами выгоды. Заказ в Карабаново маленький совсем, Киржач и Александров – мимо. Ладно, еще Струнино осталось.

Струнино располагается совсем недалеко от Александрова. Доехал на электричке. Струнино живописно, если смотреть на него со стороны станции Струнино. Огромный овраг, внизу речка, по краю оврага изогнулась дорога, а вдаль, в вышине, парит Струнино. На переднем плане – большое краснокирпичное фабричное здание, типичная текстильная фабрика 2-й пол. XIX в., тогда был бум капитализма, и повсюду в маленьких и больших городах строили такие фабрики. Сейчас, судя по всему, фабрика не работает. Проехал на автобусе по дороге над оврагом. Вышел на площади. Где тут книжный магазин, не подскажете. Вон там, вон туда пройдите, и за углом вон за тем как раз магазин. Пошел. Действительно, книжный магазин. Магазин закрыт. Табличка висит, из содержания

которой трудно понять, почему магазин закрыт. То ли ремонт, то ли банкротство. Понятно только, что закрыт он надолго и даже почти навсегда. Программа дня окончена. Электричка, Сергиев Посад с невозможной высокой ажурной сине-белой колокольней, Софрино с надписью про веру православную, Тайнинская, где взорвали памятник Николаю II, Лось, Лосиноостровская, Северянинский мост, унылые полупромышленные уголки Москвы. Москва, Ярославский вокзал.

Карма-Йога*

Отчитался о поездке. Карабаново заказало, Киржач хочет в августе, Александров вообще не хочет, Струнино закрыто. Похвалили. Главный менеджер (улыбающийся молодой дядька) сказал «я доволен поездкой». Заметил, что у него в дипломате лежит книга по оккультизму. Говорит, ничего, что мало получилось, лиха беда начало. Говорит, теперь давай по Москве. Маршрут – от Сухаревки по проспекту Мира до Рижского вокзала. Поехал.

На Сухаревке, на углу Садового кольца и проспекта Мира, книжный магазин. Где тут у вас товаровед, за чем вам, вот книги, открытки, какие книги открытки, ну вот, книги открытки, оптом, фирма такая-то, ладно, подождите, проходите сюда. Дядька, съевший со-

---

* Духовная практика, основанная на посвящении любой своей деятельности Богу и непривязанности к ее результатам.

баку на многом. Товаровед. Сразу стал ругаться, что вы тут мне, мне тут вот это вот не надо, давайте на реализацию, а так нет. Что вы кричите. А то, приходят, деньги им давай, вас тут таких знаете сколько, никаких денег, только на реализацию. Нет, мы на реализацию не даем. Ну и все тогда. Дом военной книги на Садовом кольце. Нет, они этим не занимаются, нет, спасибо, нет, нет, спасибо. Магазин «Журналист» на проспекте Мира, около Рижского вокзала. Ой, хорошие у вас какие открытки, да, нам очень нужны, давайте на реализацию, видите, у нас тут стенд какой хороший, у нас открытки хорошо идут, мы их тут вот выставим, разлетятся мигом, давайте на реализацию, мы у вас еще книг возьмем, давайте, давайте, нет, мы на реализацию не даем, а вы со своим начальством поговорите, выгодно ведь, место хорошее, у нас открытки хорошо идут, спасибо, жалко, спасибо, жалко конечно, спасибо, ну, жалко, зря вы, спасибо, до свидания.

Приехал, отчитался об отсутствии результата, вернее, об отрицательном результате. Плохо, конечно, это плохо, да, все хотят на реализацию, но надо на них давить, мы с реализацией в принципе не работаем, из них деньги потом не вытрясешь, надо их давить, продавливать, ничего, получится, у меня знаешь сколько сначала поездок пустых было, а потом как повалило, давай-ка теперь вот что, давай завтра в юго-западном направлении поработаешь, давай так, Малоярославец – Обнинск – Наро-Фоминск.

Чтобы добраться до Малоярославца, надо преодолеть пространство, пересечь разные местности. В Ап-

релевке раньше делали так называемые грампластинки, а теперь неизвестно что делают, может быть, компакт-диски, и еще угрюмо стоят зеленые электрички в депо. На станции Толстопальцево один человек зевает, а другой просто лежит на платформе. Это довольно далеко – Малоярославец, народ постепенно выходит, и вот его уже мало. За Наро-Фоминском содержимое вагона погружается в дрему. Можно было бы незаметно, в полусне проехать нужную станцию, но это невозможно, потому что Малоярославец – конечная, и надо освободить вагоны.

Малоярославец – город боевой славы, здесь сражались. От станции под косым углом отходит дорога-улица, примерно как в Карабаново, так по всей России устроено – станция, дорога отходит вбок от станции, неказистые домики, деревья и кусты, а потом незаметно, без резкого перехода начинается город, и домики такие же неказистые, но побольше, и магазинчики, и учреждения кое-где мелькают, а вот площадь, просто площадь, не Красная площадь, не площадь Ленина или там Юлиуса Фучика, а просто – Площадь, а вот и книжный магазин, на площади, культурное место, и оно должно быть на площади. Здравствуйте, книги-открытки, вот посмотрите образцы, можно сделать заказ, сделали заказ, небольшой, некоторое количество открыток, можно было бы их вообще с собой возить и сразу забирать деньги, потому что гонять газель в такую даль с таким ничтожным количеством открыток довольно-таки бесполезно, а книги пока не будем, книги это лучше осенью, к первому сентября, у

нас осенью книги хорошо идут, мы закажем. До свидания, приезжайте ближе к осени, конечно, ближе к осени, обязательно. Если так пойдет, ближе к осени надо будет снаряжать целое кругосветное путешествие, целый обоз открыток и книг, но тогда они, наверное, будут просить приехать ближе к зиме, ближе к Новому году, тогда открытки вообще влет уходят, а сейчас все деньги на учебники и на школьную форму истратили, сейчас денег у народа нет, все только что из отпусков приехали, и учебники, и школьная форма, а вот где-нибудь в декабре приезжайте обязательно, привозите открыточки с новым годом, а сейчас денег у людей нет, из отпусков, школьная форма, учебники, вы бы к новому году. Так будет, наверное, осенью. А пока надо ехать в Обнинск.

Около станции Обнинск шумливо действует диковато-беспорядочный рынок, но если пройти немного дальше и углубиться в собственно город, можно ощутить аромат интеллигентности и научности. Здесь когда-то построили первую в мире атомную электростанцию, или, как это некоторые называют, «АЭС», и для ее постройки и эксплуатации завезли сюда много умных людей. Сейчас атомная станция закрылась, но умные люди по инерции остались здесь в весьма большом количестве, и можно наблюдать, как они, умные люди, прогуливаются по зеленым улочкам Обнинска, с печатью либерально-научной осведомленности на умных лицах. Это приятно, тем более что тут и там понатыканы симпатичные трехэтажные жилые домики, построенные в 40-50-х гг. XX в. по специальному, на-

верное, проекту, потому что таких домиков больше нигде нет. Продавщица в книжном магазине, она же его хозяйка – тоже, судя по всему, умная, интеллигентная девушка, девушка с такой внешностью могла бы быть, к примеру, критиком в газете ЕЛ-НГ, или переводчицей Селина или Ж. Жене, а она вот хозяйка и одновременно продавец в книжном магазине в городе Обнинске Калужской области, городе первой в мире атомной электростанции, наверное, ее родители принимали живейшее участие если не в постройке, то уж точно в эксплуатации станции, а теперь их дочь – хозяйка и продавец в собственном книжном магазине, может быть, они, ее родители, мечтали о другой участи для своей дочери, об участии, например, переводчицы Сартра или Камю или критика в Литературной газете, а может и нет, может быть, они тоже были продавцами в книжном магазине, может быть, в этом же самом, в маленьком подвальчике, которым теперь владеет или который арендует эта девушка, которая буквально за минуту объяснила, почему продажа ей открыток и книг совершенно невозможна, потому что она, девушка, и ее магазин берут товар только на реализацию, а «в деньги» они не работают, а открыточнокнижная фирма, наоборот, работает только «в деньги», а на реализацию не дает. Было приятно пообщаться с девушкой, которая при более благоприятных обстоятельствах могла бы быть критиком в Новом литературном обозрении, хотя общение было недолгим (примерно одна минута) и не принесло коммерческого результата, но все равно приятно.

Наро-Фоминск встретил сонливостью. Люди в книжном магазине были сонливы и никак не могли понять смысл обращенного к ним коммерческого предложения, и все бубнили что-то про нет денег, не платят людям денег, и один раз промелькнуло словосочетание «ближе к осени». Программа выполнена.

Да, что-то маловато, блин, это чтож, в Карabanово двадцать пять открыток и восемь книг везти, и в Малоярославец тринадцать открыток, это так не пойдет, мы им не повезем, смысла нет. Ну как-то надо побольше, ну понимаешь, чтобы мы поехали и сразу несколько городов объехали, и в каждом чтобы приличный заказ был, а иначе просто смысла нет. Ну ничего, ничего, получится, ты парень толковый, давай теперь в Бирюлево съезди, там три магазина.

В Бирюлево было все то же самое, чуть-чуть открыток и немного книг, было приятно идти в солнечную погоду по Бирюлевской улице и заходить в книжные магазины, и обратно поехал совершенно изуверским маршрутом, на двух автобусах с пересадкой доехал за чем-то до метро Кожуховская, а оттуда уже домой.

Хочешь в Смоленск съездить? Да. Давай съезди, там много магазинов, надо их за весь день обойти, там большой заказ должен быть, давай, Смоленск хороший город, мы там еще не работали, новый регион, давай съезди. Купил билет, поехал.

Проснулся в поезде в шестом часу утра. Поезд стоял на последней станции перед Смоленском, то ли Ярце-

во, то ли Сафоново. Тишина, летнее утро, поле, и посреди поля одинокий сарай. Хотелось смотреть и смотреть, не отрываясь, на этот прекрасный одинокий сарай, но поезд, свистнув, поехал в Смоленск, и сарай медленно уплыл в бесконечность.

В шесть приехал в Смоленск. Деловая активность еще не наступила, книжные магазины закрыты, и можно и нужно просто послоняться по городу Смоленску. Недалеко от вокзала протекает крошечная речушка Днепр, а на высоком берегу крошечной речушки Днепр, противоположном вокзалу, располагается смоленский кремль. Кремлевская стена охватывает огромную площадь, гораздо большую, чем, скажем, стена московского или новгородского кремля. Стена не сплошная, а как бы пунктирная. По всему центру города тут и там торчат куски стены. Серенькая хрущевская пятиэтажка, а рядом – кусок кремлевской стены, кусок обрывается, а дальше детский садик, потом магазин, а дальше опять кусок стены. Внутри, на территории кремля, протекает обычная городская жизнь – снуют троллейбусы, стоят жилые дома, работают магазины. Это очень удивительно.

Посередине всего этого стоит православный собор чрезвычайно больших размеров. Зеленый такой. Собор открыт. Делать пока нечего, зашел. Хорошо в храме, когда нет людей. Когда есть, тоже хорошо, но когда нет – совсем хорошо. Тихо, огромно. Постоял, поставил свечку. Вышел. Вокруг собора – епархиальные домики, здесь, судя по всему, смоленская епархия находится, домики, дворики, уютненько и чисто. Выло-

женная булыжником дорожка поднимается вверх. Окликнули: молодой человек. Наверное, здесь нельзя ходить, запретная территория, храм неба. Подходит мужик, складывает ладони лодочкой. Батюшка, благословите. Батюшка в синих джинсах и оранжевой рубашке. С ярко-зеленой сумкой, в которой образцы открыток и прайс-лист на книги. Таково магическое действие бороды. Не благословил. Мужик расстроился и ушел. Поднялся по дорожке на смотровую площадку. Оттуда открывается вид. Внизу крошечная речушка Днепр, за Днепром – железнодорожные пути и вокзал, за железной дорогой – дали. Солнечное утро, железная дорога, Днепр. Приятно. На такой площадке хорошо давать клятвы, как на Воробьевых горах, например, посвятить себя служению отчизне или изучению бухгалтерского учета. Стоял долго, смотрел. Пора уже идти продавать книги и открытки, открытки и книги. Пошел.

Большой книжный магазин на центральной улице, на территории кремля, и еще один магазин на другой центральной улице, и магазин внутри большого универмага, и совсем маленький магазинчик где-то на окраине, и еще один магазин в промышленном районе, туда надо долго ехать на троллейбусе, и еще магазин. Заказали некоторое количество открыток. Заказали некоторое количество книг. Осторожно намекнули на первое сентября, осень, ближе к осени. Устал, сел на скамеечку, выпил кефира, съел большую булочку. Целый день мотался по Смоленску и устал. Вот я бегал бегал бегал и устал. Поехал на вокзал, потому

что уже вечер и никуда больше ехать и идти сил нет. Стоял на платформе, наблюдал перемещение поездов. Остановился поезд, обычный пассажирский поезд, и от него отцепили вагон с зарешеченными окнами, в таких, говорят, перевозят заключенных, его отцепили и в полном безмолвии потащили куда-то на боковой путь, из вагона вышел офицер, он стоял на платформе, курил и наблюдал, как зарешеченный вагон тащат на боковой путь, и стало немного неприятно.

Потом подали поезд Смоленск – Москва, и он поехал по маршруту Смоленск – Москва. Отчитался. Ой, мало, слушай, мало. Мало, конечно, мало. Мало. Маловато, ну что же это, в целом большом городе вот на такую сумму только заказали, да, все обошел, все интересуются, но денег говорят нет, все говорят осенью приезжайте, ну да, сейчас не сезон, конечно. Зарплата первая подспела, какие-то совершенно ничтожные деньги выдали, несколько десятков тысяч, нет, старик, так не пойдет, нет, ну что это за показатели, нет, все нормально, но так не пойдет. Не сезон, конечно, но ты сам подумай, если столько зарабатывать будешь, это что же такое получится, давай, счастливо, спасибо тебе, альбомчик отдай не забудь, до свидания, заходи если что, до свидания, пока, удачи.

Дедовск и деньги

Нет никаких нормальных, редакторских, журналистских вакансий. На самый крайний случай, как го-

ворится, на черный день, было припасено объявление: продажа элитных сортов чая, приглашаются сотрудники, зарплата высокая. Одновременно наступили крайний случай и черный день. Пошел.

Подвал на улице Щепкина, недалеко от Сухаревки. Метров за пять до входа в подвал начинает пахнуть смесью чаев. Хороший запах. В подвале мрачненько. Все уставлено коробками с чаем и людьми с сумками и тележками. Вы на работу пришли? Первый раз у нас? Заходите вот сюда. Комнатка, стол, на столе множество открытых чайных пачек и баночек, по периметру на стульях сутулятся соискатели. Пожилая, но чрезмерно энергичная дама проводит ознакомительную лекцию. Все москвичи? Вы, ребята, не москвичи, да? Остальные москвичи? С москвичами все просто, товар выдается под залог паспорта. А вы, ребята, откуда? Из Химок? Прописка подмосковная? Тогда надо деньги за товар оставить в залог. Значит, так. Все просто. Мы с вами заключаем договора. У каждого будет номер. Приходите завтра утром. Идете вон туда в кассу, девушка за компьютером видите сидит, вон туда народ стоит, вот вы туда идете завтра, пораньше приходите, часов в семь, называете номер и фамилию, и говорите, что заказываете. Ребята, надо вот что заказывать. Лучше всего идет, конечно, черный чай, крупнолистовой, вот видите маброк, батик вот тоже хороший, дилма, но он похуже, вот маброк – он лучше всего, такую пачку надо тысяч за пятнадцать продавать, а у нас она стоит одиннадцать пятьсот, значит, три пятьсот себе на карман, тут вот в накладных написа-

на цена продажи, но вы за сколько хотите можете продавать, за двадцать продадите – хорошо, хоть за пятьдесят, я когда еще торговала, однажды за пятьдесят продала одному мужику, еще очень хорошо тысяча и одна ночь идет, это вообще, вот понюхайте, понюхай, ты тоже понюхай, поняли, какой чай, его женщины очень любят, если в парикмахерскую какую-нибудь зайти и предложить, у вас там его сметут, они любят чтобы цветочный вот такой, он правда очень вкусный, сейчас чайник вскипит, можно будет попробовать любой чай, надо обязательно пробовать, чтобы знать что людям говорить, они все разные, крупнолистовой вот такой чай, как маброк или батик, его знаете как собирают, с каждого куста только три верхних листочка, а остальное идет на более дешевые сорта, вот резаный лист, он обычно из других листочков идет, более низкого качества, а крупнолистовой, листики цельные, он самый лучший, вы его побольше берите, а вот в жестяных банках по полкило, такую банку можно тысяч за тридцать пять – сорок продать, а у нас цена двадцать четыре, сразу шестнадцать тысяч себе на карман, а вот этот чай вообще дорогуший, видите, в стеклянной банке, это зеленый, млесна фирма называется, серебряные иглы чай называется, он у нас стоит сто пятьдесят тысяч, а продать можно за триста – четыреста, но его сложно, конечно, продать, зеленый вообще у нас не привыкли пить, но некоторые любят, он полезный, выводит шлаки хорошо, если у кого камни в почках, тоже полезно очень, вот у нас есть обычный зеленый, цейлонский, маброк, вот ви-

дите в зеленых пачках, он тоже идет неплохо, некоторые вообще специализируются на зеленом чае, вот у нас тут распечатки есть, возьмите, это вам, вот, и ты возьми, да, там про чай написаны основные сведения, которые пригодятся, когда вас люди будут спрашивать, почитайте обязательно перед первым выходом, надо товар знать, давайте, вот договора, там заполните все, там все понятно, паспорта с собой у вас, вот давайте, подпишем, а завтра приходите, берете товар и идете по конторам, по парикмахерским, по магазинам, где народу мало, продавцам предлагайте, в офисы, в фирмы, там у людей денег много, там правда охрана не пускает обычно, но можно с любой охраной договориться, пачку чая в конце концов подарить, я когда первый раз пошла, за час обошла тут все вокруг и за час заработала триста тысяч сразу, так что это не трудно, главное не бояться, чего бояться-то, ну пошлют, ну послали и дальше пошел, здесь послали, там купили, ничего, все нормально, потом поторговали, приходите опять сюда, что не смогли продать, возвращаете на складе, если, конечно, товарный вид не нарушен, если там обертка порвана или коробка помята, у вас не примут, вот, а потом опять в кассу, вам на складе отметку в накладной сделают, что вы вернули столько-то пачек, а за остальное отдаете по накладной в кассе деньги, а вся прибыль ваша, понятен механизм, вот смотри здесь вот в накладной наша цена написана, а продаешь ты дороже, а отчитываешься по нашей цене, пачку за двадцать тысяч продал, а наша цена тринадцать, семь тебе на карман, понял, по-

няли, вот вскипел, давайте попробуем, вот смотрите, я здесь маброк заварила, а вот тут тысяча и одна ночь, девушка, попробуй, и ты тоже, попробуй вот, смотри, чувствуешь, отличается, а вот тут я немножко зеленого заварю, вкус у него специфический, привыкнуть надо, вы когда первые деньги будут, купите себе по пачке основных сортов, дома заварите как следует, распробуйте, хороший чай, хороший, да, у нас хороший чай.

Хотелось сразу убежать, но не убежал. В конце концов, надо послушать, отказаться никогда не поздно. Заключение договор, получил номер. Дома уныло лежал на диване, оценивал, взвешивал. Ужас, в сущности, продавать, с баулами, ладно там книги-открытки были, там хоть с прайс-листом и альбомчиком, все-таки книги – это как-то культурно, а тут с коробками, к людям приставать, кому он, этот чай, нужен, все можно купить в магазинах, никто ни хрена не купит... Утром встал в полшестого утра и поехал.

Семь утра, а народ с сумками уже толпится. Специалисты в области прямых продаж. Встал в их ряды. Пока стоял в очереди, думал, чего взять. Вот этих, маброк, пачек семь, и батика штук пять, в пакетиках тоже штук пять, оно гадость, конечно, но некоторым нравится, и тысяча и одна ночь штуки три, и две большие банки маброк, и вот этих вот еще, резаный лист, штук пять, хватит. Девушка: вы у нас первый раз? Да. Заказал, на складе выдали. Упихал в большую черную сумку через плечо. Упихалось, но с трудом. Помнется, наверное. Ладно. Вышел на свет Божий. Хорошо, солнышко.

Куда ехать. Куда ехать. Еще вчера стало понятно, что по Москве ездить бессмысленно, все уже другими чаеоторговцами охвачено, их тысячи. Надо куда-то подалее. Солнышко, лето, шум, как это пишут иногда в литературе, просыпающегося города. В сознании всплыло одинокое слово Дедовск. Надо ехать в Дедовск. В Дедовск.

На троллейбусе доехал до Рижского вокзала, сел в электричку и поехал в Дедовск. Замелькали привычные станции, мимо которых часто ездил до станции Тушино. Дмитровская, Гражданская. Даже не верится, что совсем недалеко Ленинградский проспект, оживление. Здесь темно, склады. Красный балтиец. Рядом со станцией Красный балтиец – регбийный стадион Локомотив, здесь играет в регби регбийная команда Локомотив (Москва). Станция Красный балтиец раньше называлась Подмосковная. Ленинградская. Огромное здание с надписью МАИ. Покровское-Стрешнево. Парк, пруд. Мост через канал, очень высокий, никаких заграждений, рельсы и сразу пропасть, так во всяком случае это воспринимается из окна электрички. Слева Тушинский аэродром, гнездовье морально и физически устаревших, но симпатичных самолетов и вертолетов, а еще дальше, за рекой, беллет Строгино, издалика оно кажется таким белым, возвышенным, прямо небесный град, а если вблизи посмотреть, там много убожества. Тушино. Вошло много дачников, которые сначала доехали до метро Тушинская, а теперь сели в электричку, какой-то странный обычай – садиться в электричку не на вокзале, а на

станциях, примыкающих к метро, с вокзала ехать гораздо удобнее, народу мало, а здесь, в Тушино, народу набилось, странные они люди, ладно бы они все здесь, в Тушино жили, так ведь нет, тащатся откуда-нибудь из Кузьминок или Выхино сюда, нет чтобы доехать спокойненько до вокзала и сесть в электричку у окна и ехать, наслаждаясь видами станции Гражданская, так нет же, едут зачем-то в Тушино, странные люди. У дачников тележки, сумки, они читают туповатые газеты про садоводство и тайную власть. И почти сразу начинают выходить, толком не успев посидеть и почитать про тайную власть и здоровый образ жизни. Дачники выходят уже на станции Павшино, у них здесь, что, дачи, что ли, это ужасно – иметь дачу в Павшино, это примерно тоже самое, что дача в Текстильщиках или в Перово, и вот они, с рюкзаками и сумками, выходят в Павшино, и в Опалихе, и на других станциях. Когда электричка подъезжает к Нахабино, большинство дачников уже покинуло вагон, хотя некоторые еще пока едут, читая про садоводство и камни в почках. В Нахабино – электрическое депо, длинная высокая насыпь, упирающаяся в тупик, и в тупике, на большой высоте стоит электричка, на ней написано Нахабино. От Нахабино до Дедовска совсем близко, километров пять, и вот уже Дедовск.

На площади около станции – шевеление. Бабки продают вещества и мелкие предметы. Высокий дом вышашается напротив станции, кирпичный. Стоят ларьки. Послonyaлся по площади. Надо начинать. Обoшел ларьки, попредлагал. Нет, не надо, не надо. В вы-

соком кирпичном доме – парикмахерская. Там должно быть много скучающих девок и бабонек, они падки до всяких штучек типа чая и вообще. Пошел в парикмахерскую. Девки и бабоньки скривились так, будто им предложили крысиные хвостики или там человеческий помет. Много вас тут ходит. Ткнулся еще в маленький магазинчик, нет, спасибо, спасибо, нет, посмотрите, да нет, не надо нам.

Как-то безнадежно. Посылают, фактически. От станции вбок отходит дорога под тупым углом, как везде в России, станция и дорога вбок, в центр города, пошел. Дорога сначала шла между деревьями, а потом справа возникло здание ателье. В ателье множество женщин, баб, девок, они занимаются пошивом. Грохот и стрекот пошивочных машин. Цейлонский чай. Заинтересовались. Говорят, вот стол, выставляйте, мы щас подойдем. Выставил рядком красивые пачечки. Швей сбегались. Спрашивают, просят проконсультировать. Это вот крупнолистовой, гораздо лучше чем мелкий, а мы привыкли мелкий, он ведь лучше заваривается, нет, заварка не должна быть черной, она должна быть такого знаете янтарного оттенка, а мы привыкли чтоб почерней, чтоб кипятком разбавлять и чтоб на завтра еще осталось, это не совсем правильно, но вот есть и резаный лист, он как раз так заваривается как вы говорите, да а почему, вот эти по тринадцать, а эти по пятнадцать, а крупнолистовой он хороший? конечно, вы попробуйте вот этот вот, маброк, вы в чайник много не кладите, а немножко, и не разбавляйте потом водой, это все в тех распечатках про чай

было написано, которые выдали в подвале, а в пакетиках есть, конечно, вот в пакетиках, здесь сто штук, двадцать тысяч, пожалуйста, а это вот с бергамотом, с чем с чем, с бергамотом, земляная груша, такой ароматизатор вот понюхайте, запах чувствуете, ой как пахнет хорошо, это такой чай, да чай такой, ароматизированный, ахмад, английская фирма, высококачественный черный чай, ароматизированный бергамотом, обладает тонизирующим действием, что-то дорого у вас, ну так это же ведь очень качественный чай, такой в магазине вы не купите, нет, хороший конечно, а вот этот у вас почему, пятнадцать, а за десять не уступите, да вы понимаете, у него отпускная цена больше, я в убыток не могу же, резко потеряли интерес, разбредлись по рабочим местам. Застрекотало, загремело. Одна пожилая швея говорит, дайте мне вот эту пачку, возьму попробую, я чай люблю, дал, взял деньги. Первая продажа.

И как прорвало. В том же здании, где ателье, с другой стороны, телевизионная мастерская, два сумрачных мужика сидят среди телевизионных внутренностей, купили два ахмада с бергамотом. Пошел дальше по дороге. Начался город, домишки. Крошечная городская администрация, летне-сонная. В одном кабинете женщина, и в другом женщина, а вот тут маленькая туристическая фирмочка, первая женщина сначала не хотела покупать, а потом сказала ладно и купила сразу много, и с бергамотом, и в пакетиках, и большую дорогую банку маброка за пятьдесят тысяч, а вторая женщина тоже подошла, цепная реакция как

бы возникла, что это тут у вас, чай, дайте-ка посмотреть, это с запахом такой, да? да, с бергамотом, очень хороший чай, а в больших банках это что, это крупнолистовой, без добавок, отличный чай, в качестве подарка хорошо, смотрите, какая банка красивая, и чай очень хороший, ну давайте я возьму один с бергамотом и банку большую, пожалуйста, сейчас дам сдачу, у вас помельче не будет, да конечно, спасибо вам, что-то мы вас здесь не видели, вы к нам заходите, у нас через две недели зарплата будет, приходите, мы у вас много купим, еще Нелли Петровна из отпуска придет, она чай всегда покупает, приезжайте, спасибо вам, до свидания, вам спасибо, до свидания, приходите.

Вот ведь оно как. Вот ведь оно, оказывается, как. Вот ведь как иногда оно. Окрылился, поймал волну. В голосе уверенность, во взгляде оптимизм. Еще небольшая контора, БТИ (бюро технической инвентаризации, это такая контора). Великолепный цейлонский чай, посмотрите, и обычный, и ароматизированный есть, и в пакетиках, о, о, хороший чай, а этот почему, давайте мне вот этот и этот, а мне вот такого пожалуйста, купили некоторое количество пачек. Сумка стала легкой. Еще контора, нет, спасибо, мы недавно купили, спасибо, в следующий раз заходите, доброжелательно так говорят, не посылают. Уже совсем другая ситуация. Посоветовали: идите вон туда, а потом вон туда, там баня есть, банщики чай всегда покупают, пошел, баня, на крылечке стоит человек по виду банщик, курит. Чай, это хорошо, чай, а зеленый есть, есть вот по пятнадцать, цейлонский, хороший зеленый

чай, давай парочку, и в пакетиках, сдача есть, конечно, есть, вот, пожалуйста, спасибо, заходи еще, давай, вон ты туда вон зайди, видишь дом, там таможня, у них деньги есть, они у тебя все раскупят. Таможня, прохладно. Снуют уверенные в себе люди. На предложение купить чай ответили заинтересованно, купили довольно много, и осталось всего три пачки, а остальное уже распродано. Вышел из таможни, сумка почти пустая, в кошельке стало тесновато. Улица, пошел по улице к станции. Прямо на улице подходит женщина, мне сказали вы чай продаете, да (обалдел слегка), продаю, что у вас есть, да вот осталось три пачки, в пакетиках и два мелколистовых, цейлонский, давайте я у вас их возьму, пожалуйста, у меня даже без сдачи будет, спасибо, всего доброго.

Все распродано. Остановился в укромном месте, пересчитал деньги, посчитал по накладной, сколько должен возратить фирме. За всеми вычетами осталось сто двадцать тысяч, по тогдашнему курсу двадцать долларов. На эту сумму семья из нескольких человек может скромно существовать некоторое количество дней. Хорошо. Очень хорошо. Вальяжно, не спеша продвигался к станции. Все-таки покупают. Да еще как, даже на улице подходят, вообще обалдеть можно. Ощущение, как будто нашел залежи полезного ископаемого, и можно каждый день понемногу выкапывать и, как это некоторые называют, «кормить семью». О, приятность.

Приехал на фирму, отдал девушке-на-компьютере накладную и деньги за весь товар. Что, все продали?

да, все продал, вы ведь первый раз, да, ну, здорово, поздравляю, спасибо, как это вы так, да вот так, приходите завтра, видите, как хорошо получается, приду, конечно, до свидания, спасибо, до свидания.

А еще рано совсем, два часа только, и весь день свободен, удивительно, надо же, солнце, лето. Домой. Семья приободрилась. Нормально, в общем.

Ферментация

На следующий день поехал в Солнечногорск. Сумка стала уже потяжелее, набрал побольше. Электричка долго тащилась со всеми остановками, мимо Химок, Сходни, мимо 16-го микрорайона Зеленограда, мимо промзоны Алабушево. Солнечногорск – вроде бы такое приветливое название, судя по названию это должна быть просто-таки какая-то всесоюзная здравница, пионерский лагерь Артек или что-то в этом роде. Оказалось – ничего солнечного, кроме названия. Угрюмоватый город, состоящий из косо поставленных серых и желтых домов и бредущих туда и сюда людей. Дождь, мокро пополам с землей. Проезжающие машины забрызгивают. Улицы устроены крайне по-дурацки. Не то чтобы как обычно – проезжая часть, бордюр и тротуар. А в Солнечногорске не так – проезжая часть, и сразу земля, грязная мокрая земля, по которой невозможно ходить, потому что грязно и мокро очень, а за полосой земли – узкая, выщербленная и тоже замызганная мокрой землей полоска асфальта, по которой по идее нужно ходить пеш-

ком. И кругом много деревьев, зеленых мокрых деревьев, с них капает и из-за их повсеместного нависания, а также из-за дождливой пасмурности все время темно. Даже на открытых площадях темно, потому что открытые площади тоже окружены угрожающими деревьями и темно-серыми углами домов, и очень мрачно. Побрел по грязноватым улицам, среди деревьев и людей. Все случилось примерно так же, как и в Дедовске – сначала не покупали, потом покупали. В результате купили все. Опять купили все, опять продал все. Трам-пам-пам. Поехал в фирму, опять сказали вы все продали, надо же, да, вот. Заработал сто пятьдесят тысяч. Можно существовать. Купил себе для дегустации несколько пачек чая.

Чай бывает черный и зеленый. А еще красный и желтый. Красный чай – явление редкое, а желтый – еще более редкое, он встречается только в Китае и за пределы Китая не выходит. Исходный продукт для всех этих чаев одинаковый – просто чай. Различаются они по степени ферментации. Зеленый чай – не ферментированный, желтый – слегка ферментированный, красный – слегка недоферментированный, черный – прошедший полную ферментацию. Ферментация – это такой процесс.

Чай бывает китайский (лучший из всех, конечно), цейлонский (тоже хороший), индийский (похуже, кроме Дарджилинга – этот вообще прекрасный), индонезийский, кенийский, камерунский, грузинский, краснодарский, японский. Краснодарский чай – не очень хороший. Грузинский – тоже. Английская королева Элизабет любит кенийский чай.

Японский чай бывает только зеленым, его перемалывают в ярко-зеленую пудру и потом совершают чайную церемонию. Пить японский чай – трудно, даже почти невозможно.

Крупнолистовой цейлонский чай имеет на пачках маркировку OP – orange pekoe, оранж пеко, оранжевые пики, это потому что верхние листочки куста – немного буроватого оттенка, и английские колонизаторы стали вот так обозначать этот сорт чая, или, реже, OPA (aromatized, на самом деле он никакой не ароматизированный, а обычный, непонятно, почему он так называется, может быть, неверный перевод, и A означает что-то другое, например, advanced или amused или addictive или absurd). У такого чая приятный чуть сладковатый привкус. Его можно пить с сахаром или без сахара. С молоком – это такое английское извращение, не надо пить с молоком. Лучше не выпендриваться и пить просто с сахаром, как все нормальные русские люди. Заваривать надо с таким расчетом, чтобы не доливать потом кипятка. Заваривать долго не надо, минуты три-четыре, и достаточно, если дольше держать, получится не чай, а темная жидкость для подкрашивания кипятка. Потому что там происходят химические процессы.

Использовать чай, который заварили не прямо сейчас, а, например, час или три назад – варварство.

Есть еще мелколистовой чай, маркировка BOP – broken orange pekoe, или, в просторечии, резаный лист. Для приготовления этого чая чайные листочки режут на мелкие кусочки. В Советском Союзе под мар-

кой «Цейлонский чай» продавался именно такой чай, причем, фирмы Dilmah, хотя это и не было написано на пачках, а было написано московская чаеразвесочная фабрика. До сих пор многие советские люди его любят и считают, что он лучше, чем крупнолистовой, потому что лучше заваривается. Это, конечно же, совершеннейшая ерунда. Есть еще маркировка FBOP – flowery broken orange рекое, то есть как бы цветочный, хотя ничего особенно цветочного в нем нет, это то же самое, что и простой OP.

В Советском Союзе было ведомство Плавчай.

Грузинский чай собирают специальными чаеуборочными машинами, это такие трактора на высоких ножках с аркой посередине, машина едет, а чайные кусты проходят в эту арку. А чай надо собирать только вручную. Поэтому грузинский чай – нехорош.

Лучше всего покупать цейлонский чай вот каких фирм: Mabroc, Mlesna, Ahmad (английская), Twinings (тоже английская), Dilmah (только в жестяных коробочках, в картонных гораздо хуже), Vatik (тоже в жестяных коробочках, хотя неплохой чай ОРА, в красных пачках). Наверняка есть и еще много хороших чайных фирм. Но эти – тоже хорошие.

Чай в пакетиках – это просто удачно упакованный утилизированный мусор. Он делается из чайной пыли и других мелких стружек. Пить его можно только в чрезвычайных обстоятельствах, например, если лень заваривать нормальный.

Есть еще чай в гранулах. Это просто извращение, к счастью, не слишком распространенное в России.

Зеленый чай лучше всего, конечно, китайский. Цейлонский лучше черный. Зеленый чай надо заваривать так. Вообще-то есть очень много разных способов. Но если сильно не выпендриваться, то надо так. Чайник должен быть небольшим, лучше маленьким. Съпать чая не очень много. Залить кипятком и почти сразу, секунд через 20-30, налить в чашку, и тут же залить в чайник новый кипяток, выпить чашку, налить еще одну. Хороший китайский чай можно так заливать несколько десятков раз. Вообще, правильнее всего пить зеленый чай из крошечных китайских чашечек, наливать, выпивать, снова наливать, чтобы чай долго в чайнике не заваривался. Это будет очень вкусно. Если зеленый чай заварить тупо, как многие русские и советские люди заваривают, то есть, набухать много заварки, залить и ждать двадцать минут, то получится отвратительный настой сена. Поэтому-то многие и не любят зеленый чай, потому что неправильно заваривают. А многие любят, потому что заваривают правильно.

Есть еще категория людей, которые считают, что пить зеленый чай – это очень продвинуто, холистически и ньюэйджевски. Они, не умея его толком заваривать, пьют его, давясь от отвращения, но изо всех сил делают блаженные лица, чтобы подчеркнуть свою ньюэйджевость. Такие люди достойны сожаления.

Зеленый чай очень полезный. От него делается хо-рошо.

Очень хороший чай – Дарджилинг (Darjeeling). Он как бы и не черный, и не зеленый – отдельный совер-

шенно сорт. Его еще иногда называют «чай-шампанское», совершенно непонятно, почему. Идиотское прозвище. Лучше его заваривать, как черный чай, пить, не выпендриваясь, с сахаром. Очень неплох Дарджилинг фирмы Ahmad, в жестяных баночках.

Хорош китайский чай пуэр. Это так называемый копченый чай, ферментированный чай с дымным привкусом. Это замечательно. Китайский чай – отдельная тема.

В Тибете пьют зеленый плиточный (очень грубый) китайский чай с маслом и солью. Его не заваривают, а варят некоторое время в котелке. Получается варево. В Тибете очень трудные условия жизни, поэтому так делают. К тому же с 1959 года Тибет оккупирован Китаем.

В странах Магриба пьют зеленый чай с мятой и сахаром. Больше так нигде не делают.

Американцы пьют холодный чай, так называемый айсти. С точки зрения чайной культуры это просто неприлично. Это хуже, чем чай в гранулах.

Хранить чай лучше всего в деревянных шкатулочках. Можно в стеклянных баночках. В пластмассовых емкостях – нельзя. Хранить чай обязательно в закрытых емкостях. Трогать чай руками нельзя.

Таковы сведения о чае.

Вечером позвонил приятель, работающий на телевидении, и сообщил, что есть возможность поработать на телевидении. Редактором. На канале Моско-

вия. Это самый затхлый во всей Останкинской башне канал, никому не нужный, немного даже прекрасный в своей патриархальной дремучести. Да, давай, почему бы не попробовать, приезжай завтра в Останкино, объяснил, куда пройти. На следующий день не поехал в чайный подвал, поехал в телевидение.

В, как это иногда пишут некоторые сочинители, «небольшом, но уютном кабинете» сидел человек Крутов, который ведет программу Русский дом. Говорят, Крутов – очень богатый дядька, который спонсирует национально-патриотическое. Крутов встретил приветливо, да, да, редактор, хорошо, да, нужен редактор, монтировать новостные ролики про Подмоскovie, надо чтобы каждый ролик не больше полутора минут был, а снимают их длинными, минут по пять, надо подогнать изображение под звук, в общем, вам режиссер все объяснит, давайте попробуем, да, давайте. Насчет зарплаты выяснилось, что ее платят, но как-то сложно. То есть, ролики делаются сейчас, а бухгалтерия когда-то сильно потом все это подсчитывает (работа сделанная) и еще более потом со временем когда-нибудь выдает деньги, может быть. К тому же роликов заготовлено много, и их все надо обрабатывать, а показывают из них лишь некоторые, и платят только за показанные. Да. Ладно, надо попробовать.

Темноватое помещение с экраном и монтажным пультом. За пультом – режиссер. Работа в тандеме. Познакомились, сели, начали работать. Сначала полностью ролик – картинка плюс наговоренный текст. Потом надо решить: вот это выкидываем, под это вот

этот эпизод, а под вот это – вот этот. Задача редактора – слепить из уже произнесенного текста другой текст, покороче и потолковее. Задача режиссера – подогнать под это картинку. Быстро сориентировался, тупая, несложная работа, на третьем ролике уже получалось думать посторонние мысли и одновременно редактировать. Подгоняем. В Химках в квасных цистернах завелась какая-то ужасная мерзость. Крупным планом цистерна, торгующая бабка, мерзость не видно, она внутри, в цистерне. Несколько человек заразилось, правда, вроде никто не умер, почему же такое произошло, мы побеседовали с заместителем начальника санэпидемстанции Химкинского района Клавдией Ивановной Мелентьевой, Клавдия Ивановна, в чем причина заражения, это произошло по вине торгующей организации, несоблюдение санитарных норм, торговля прекращена, есть ли опасность, сейчас уже нет, меры приняты, ведется проверка, возбуждено уголовное дело, будьте осторожны, сейчас жарким летом в жаркие дни, когда особенно хочется освежиться, особенно хочется пить, надо быть особенно осторожными. В Раменском прошли соревнования пожарных частей Московской области. Пожарные соревновались в мастерстве. В комбинированной эстафете победила команда из города Чехова, что и определило общий итог соревнований, поздравляем победителей, за счет чего вам удалось добиться этого успеха, ребята все тренированные, на учениях мы отработываем, подразделение укомплектовано опытными кадрами, еще в прошлом году мы заняли второе место, а теперь пер-

вое, ребята молодцы, у нас опытные ребята, спортивные, сказалась подготовка, этот яркий праздник посреди суровых буден или будней как правильно, второе место заняла команда из Электростали, третье – хозяева соревнований, раменчане. Состоялось совещание руководителей районных отделений пенсионного фонда, была подчеркнута особая важность своевременной выплаты пенсий, была подчеркнута недопустимость задержек выплаты пенсий, задержки еще случаются, так, в Зарайском районе до сих пор не выплачены пенсии за май, в Каширском районе до сих пор не выплачены пенсии за май, а в Можайском районе до сих пор не выплачены пенсии за май, указано на недопустимость подобных нарушений, ветеранские организации Ступинского и Серпуховского районов направили обращение, Николай Степанович, почему до сих пор ветеранам, да и всем пенсионерам задерживают пенсии, это недопустимо, губернатор еще раз подчеркнул, ситуация уже выправляется, строго наказаны, спрашивать по всей строгости, уже выплачены пенсии за апрель в Каширском, Зарайском и Можайском районах, ситуация выправляется, это недопустимо, задолженности будут погашены, Николай Степанович, что вы можете сказать о ситуации пленка что ли закончилась, обрыв какой-то, ну, тут все ясно, это все выкидываем, давай отсюда начнем, а это тоже выкинем, нет, давай оставим, тут планчик хороший, смотри, красиво, ну давай, а вот это выкинем, он тут пургу какую-то понес, давай, рожу только мельком давай, рожа ужасная какая, да, а под этот планчик вот

это, где корреспондент говорит, подложим, ага, и тут вот еще ветераны, вон, смотри, какой дед, вот его давай, и вот тут на трибуне, нормально, ага, слушай, если у тебя знакомые рекламщики есть, ты имей в виду, мы тут ролики делаем, цены у нас нормальные, тебе тоже комиссионные будут, лады?

Лады.

Нет, нет, нет. Лучше ехать в Раменское, в Химки, в Зарайский, Каширский и Можайский районы с чаем, чем вот так, чем здесь просиживать. Это только называется так громко – телевидение, а на самом деле это совершенно тупая, никому не нужная работа, и никто не посмотрит никогда эти ролики про гадость в квасных бочках и про выправление ситуации с выплатой пенсий в Зарайском, Каширском и Можайском районах, да и зарплата всего полтора миллиона, это копейки в сущности, чаем можно гораздо больше заработать, намного больше, в два раза, наверное, нет, нет, нет.

И не стал работать на телевидении, на телеканале Московия, у подножия Останкинской башни, под началом дядьки Крутова, который разбогател и теперь спонсирует патриотизм. Говорят, патриотизм бывает квасной. А в квасных бочках в Химках завелась какая-то гадость.

Поехал в городок Пушкино, это по Ярославской дороге. Все прошло по отработанной схеме. Сначала не покупали, брел с тяжелой сумкой по улице, которая отходит перпендикулярно от станции. Потом в каком-

то магазине продавщицы долго рассматривали пачки чая и сразу вдруг купили очень много, а остальное быстро разошлось по мелким конторам. После того, как три раза подряд продал все, что взял утром, до последней пачки, стали доверять и давать уже столько, сколько можно унести, и сумок стало две. Одна черная, через плечо, другая красно-бело-синяя, клетчатая, чтоб в руке нести. И в дальнейшем очень редко удавалось продать все без остатка, хотя иногда такое было, но редко, потому что такую массу товара продать затруднительно.

Посетил еще ряд городков. Каждый раз оставалось немного товара. Возвращал его на склад. Иногда принимали, иногда не принимали, если пачка помятая или порвалась полиэтиленовая оболочка. То, что не принимали, забирал домой, пить.

Крупнолистовой цейлонский чай очень вкусен.

Стоя в очереди в чайном подвале, подслушал разговор двух коллег про то, что чай очень хорошо «берут» проводники и проводницы в поездах дальнего следования. Надо попробовать. Не поехал в городки, а пошел по улице Щепкина в направлении спорткомплекса олимпийский, сел на пятидесятый трамвай и поехал к Трех Вокзалам. Расстояние небольшое, но трамвай едет долго, долго лавирует по узким улочкам, едва не сшибая припаркованные автомобили, долго не может переехать проспект Мира, долго не может въехать под мост на Комсомольской площади, потому что красный свет. Наконец, приехал. Один вокзал (Казанский) на отшибе, а два других (Ленинградский и

Ярославский) рядом, почти как у Пушкина что-то там такое про сосны в Михайловском или Тригорском, одна поодаль, две другие рядом, Казанский вокзал отпадает, он на отшибе и вообще он весь какой-то мрачный, там шумное строительство крыши и очень много беспорядка и тревожности, а вот на Ленинградском и Ярославском стоит поработать.

Огромный длинный зеленый поезд, вагонов двадцать пять, кажется, Москва – Архангельск. Посадка еще нескоро, и поезд просто стоит около пустой, совершенно пустой платформы, пустой поезд, но внутри там есть проводники и проводницы. Шел вдоль вагонов, стучал в двери, открывали, чай цейлонский, крупнолистовой, в пакетиках, недорого, в пакетиках возьмите, в дороге заваривать. Ничего не купили в целом огромном длинном поезде, стоящем у пустой платформы, нет, не надо, нет, нет. Ладно. В Дедовске тоже поначалу не покупали. Другой поезд, Москва – Киров, симпатичные синие с красным вагоны, уже объявили посадку. Чай цейлонский, крупнолистовой, в пакетиках, зеленый есть. Купили пачку, потом еще три, потом еще в пакетиках одну, ой, девчонки, чай, Свет, тебе не надо, смотри, в пакетиках, по двадцать всего, здесь сто штук, а их можно потом каждый по три тыщи продавать, давайте мне три, и еще две пожалуйста, спасибо вам, вам спасибо, счастливого пути, сейчас подождите, начальник поезда должен подойти, вы пока отойдите, а минут через десять подходите, а то нам не разрешают, все равно правда все покупают, а этот хороший, а чем они отличаются, давай-

те в пакетиках, и я вот еще этого у вас возьму, а вот знаете, есть такой тысяча и одна ночь кажется называется, конечно есть, вот пожалуйста, по двадцать пять, давайте парочку, спасибо, спасибо. Много купили. Теперь на Ленинградский. Фирменный поезд «Карелия», Москва – Петрозаводск. Чай, чай, цейлонский, крупнолистовой, в пакетиках. Тут главное вовремя обратиться к проводнику, потому что если большая очередь стоит и проводник билеты проверяет, то это совершенно бесполезно, он просто отмахивается, надо момент выбрать, когда народу мало или какая-то пауза возникла, например, пассажир роется в карманах в поисках билета, который, наверное, уже потерялся, но все равно он роется, вдруг завалился куда-то, и проводник так немножко мается, и вот тут можно сказать чай цейлонский, и он глядишь заинтересуется, лучше весь состав два-три раза пройти и запомнить, кому предлагал, а кто был занят и надо сейчас предложить. Тоже много купили, вежливые проводники, хороший поезд, приносите, мы чай берем, вот все почти и продал, надо же, какой чудесный способ, и ехать никуда не надо, только несколько остановок на трамвае, жаль, что основная масса поездов отправляется вечером и ночью, вот если бы утром, хотя с Ярославского вокзала некоторые дальние поезда, которые в Сибирь и на Дальний Восток, отправляются как раз по утрам, в общем, здорово, это очень экономно и удобно, хотя и менее интересно, чем поездки в маленькие подмосковные городки, но это в конце концов баловство, главное денег заработать.

Устал, остановился на платформе отдохнуть около багажного вагона, дверь вагона открыта и там стоит ухмыляющийся, с наглым лицом проводник, подошел молодой человек с большой коробкой, мне надо отправить, отправить через вас можно, вот эту вот коробку, а проводник буквально одной-двумя фразами так все повернул, что этот молодой человек оказался еще и виноват непонятно в чем, да я заплачу, чего ты сказал, иди отсюда, и молодой человек взял свою коробку и пошел, и поезд поехал, и наглый проводник еще некоторое время зло смотрел на удаляющегося молодого человека, а потом закрыл дверь, поезд уехал, а молодой человек ушел.

Еще пару раз поторговал на вокзалах очень успешно, но пришлось прекратить эту во многих отношениях удобную и выгодную практику, подошли серьезные молодые люди и вежливо, но весомо сказали не надо тут торговать, парень, не надо, тут у нас свои люди работают, иди, иди, не стоит. Значит, опять городки. И это, наверное, к лучшему. Торговля на вокзалах происходит в суетливой, полукриминальной атмосфере, вокруг много неприятных людей, толкотня, и из динамиков, укрепленных на крышах ларьков, все время, практически без перерыва, доносится песня осень осень ну давай у листьев спросим, хотя на дворе никакая еще не осень, а пока еще лето, и эта песня как-то незаметно влияет на психическое состояние, особенно в таких невероятных количествах (примерно одно воспроизведение каждые десять минут), и нельзя сказать, что это влияние однозначно положительное. А

поездки в городки – это почти чуть ли не романтика какая-то, маленькие путешествия на свой страх и риск, торговля на вокзалах создает ощущение мешочника, а торговля в маленьких городках – ощущения охотника, а это ведь лучше гораздо, и ради этого можно и поехать куда-нибудь далеко на электричке, хотя, конечно, если бы те молодые люди не произнесли свои веские слова, так бы и торговал на вокзалах, несмотря на негативную атмосферу.

Совсем рядом, в 3-м Митинском проезде, в красно-белом доме номер один, живет приятель Саша. Приятель Саша – удивительный человек. У него хронически нет денег, при этом у него есть целых две машины – таврия-универсал и старый, 1982 года выпуска, форд. На таврии он ездит, а на форде не ездит, форд просто стоит во дворе, для того, чтобы форд ездил, в нем нужно произвести некоторые технические усовершенствования, на производство которых у Саши нет денег, а таврия ездит, и Саша ездит на таврии. Возникла идея вовлечь Сашу вместе с его таврией в торговлю чаем. Во-первых, в машину можно запихать невероятное количество чая, а во-вторых, на машине можно объехать сразу несколько городков (а не один, как при передвижении на электричке) и продать населению этих нескольких городков то самое невероятное количество чая, которое можно погрузить в машину. Угостил Сашу чаем, сделал коммерческое предложение. От него требуется только водить машину в нужном направлении. Чистую прибыль, за вычетом

стоимости бензина – пополам. В любом случае, тысячу по сто, а то и по сто пятьдесят – двести на брата должно выходить. Предложение Саше понравилось. Попили чаю. Вот это вот, смотри, крупнолистовой, Маброк, а вот это – тысяча и одна ночь. Да.

На следующий день загрузили в таврию довольно много чая и поехали в Истру. Пустая и широкая Новорижская дорога. На выезде из Москвы красиво – слева поселок Рублево, дали, справа Красногорск. Дальше – пусто. Таврия – резвая машинка. Довольно быстро приехали в Истру. Аккуратный, хотя и не без убожества, городок. Магазин, еще магазин. Продал, продал. Большой рынок. Пошел вдоль рядов, предлагал продавцам. То есть, продавцы выступали в роли покупателей. Большой интерес вызвали большие жестяные банки. Торговцы из Украины и Белоруссии покупали чай, чтобы привезти его домой и удивить им сограждан. У них, говорят, такого нет, а у нас вот есть. В мясном павильоне, среди словно бы спящих голов и других частей тел мясных животных и слегка бодрствующих мясников, чай произвел почти фурор. Окровавленными руками ощупывали пачки, носами, привыкшими к запаху разлагающегося белка, пытались унюхать запах бергамота. Купили много именно бергамотного чая, так называемого эрл грея. Мне вот тоже такой, давай, принеси, конечно, сейчас, несколько раз ходил к машине. Вроде только вступили в Истру, а товара осталось уже меньше половины. Саша вдохновился: давай я тоже попробую. Давай, конечно. Саша взвалил на себя некоторое количество чая и за двад-

цать минут взял штурмом симпатичное здание районной администрации. Ну все, осталась какая-то мелочь. Съездили на окраину города, к Новоиерусалимскому монастырю. Что-то там Саша еще продал, и вот уже ничего не осталось. Зашли в Новоиерусалимский монастырь. Если кто не знает, этот монастырь придумал патриарх московский и всея Руси Никон, который вообще много чего придумал, в частности, произвел богослужебные уточнения, в результате которых произошел раскол. По замыслу Никона, Новоиерусалимский монастырь должен в уменьшенном виде воспроизводить христианские святыни Иерусалима. Ну, чтобы паломникам далеко не мотаться – сел на электричку, и через час с небольшим погрузился в святые места. Получилось громоздко и искусственно. Огромный запертый собор, через окна видна нехорошая темнота внутри. В общем, затея патриарха Никона не удалась, а затея с торговлей чаем в Истре удалась. По сто восемьдесят рублей получилось. Очень неплохой показатель. Поехали назад, по Новорижской. Несколько лет назад около Новорижской дороги построили огромную фанерную пирамиду, это сделал один человек, специалист по пирамидам, он считает, что внутри пирамид людям и неодушевленным предметам становится хорошо, и многие с ним соглашаются. Наверное, эта местность располагает к строительству копий разных величественных мест и объектов – Иерусалима или пирамид. Новорижская дорога упирается в село Троице-Лыково, это село в черте Москвы, настоящее село, с избами, с белой сельской церковью,

въехали в Троице-Лыково, остановились около магазина, настоящее сельпо, темноватое, уютно-затхлое, пахнущее старым деревом и подгнившими продуктами. Купили перекусить, перекусили. Стоимость продуктов заметно ниже, чем в других местах Москвы. А в Москве есть еще деревня Терехово, это в пойме Москвы-реки около фешенебельного района Крылатское, ее хотели уничтожить и на ее месте построить какую-то современность, но деревенские воспротивились и отстояли свое патриархальное Терехово, и оно осталось, там поля, и трактор в полях сельскохозяйственно трудится. Вот и Троице-Лыково примерно такое же, а еще совсем недавно, в семидесятые годы, в Москве было много деревень, в одном только Тушино целых три – Петрово, Алешкино и Захарково, стояли избы, и деревенские дрались с живущими рядом, через улицу, городскими, а сейчас такого уже почти не осталось.

Current 93

Стали ездить с Сашей. Это, конечно, гораздо удобнее и приятнее, чем на электричках, да и вдвоем лучше, хотя последнее и не факт, потому что когда едешь куда-нибудь далеко один, не болтаешь, и больше шансов впасть в полумедитативное остолебенение и заметить вещи, которые в нормальном состоянии заметить трудно. Ездили в священный город Сергиев Посад. Ездили в туповатое Ступино. Триумфально съездили в Бронницы, ма-

ленький, уютный город на берегу Москвы-реки, и в Раменское, большой, неуютный город, в котором базируется футбольный клуб «Сатурн». По итогам этой поездки даже получили премию – настолько грандиозным оказался достигнутый результат.

Все-таки продолжал просматривать объявления о работе – вдруг попадется что-нибудь нормальное. Попалось. «Издательство Электронинформ приглашает верстальщиков для работы в программе FrameMaker. Обучение бесплатное». Электронинформ – знакомая контора, годом раньше подрабатывал у них корректором. Давно хотел освоить верстку. Полезный навык. Без куска хлеба не останешься. Да и люди знакомые, неплохие, в принципе. Поехал.

Электронинформ располагается в потаенном месте, в Научном проезде. Это маленькая закругляющаяся улочка около метро Калужская, она петляет между тихими, поросшими зеленью местами. Иногда из-за деревьев выглядывают слегка таинственные здания, в одном из которых, в доме номер 6, располагался Электронинформ. Чуть вдали маячит небоскреб Газпрома. Вечером его ярко освещают, и он сияет бледным светом среди тишины трав и деревьев, среди молчаливых зданий, и тогда становится совсем таинственно. На Научном проезде всегда как-то темновато, безлюдно и покинуто, и даже в ясный солнечный день из этого места не выветривается тревога и тщательно скрытое безумие.

FrameMaker – редкая программа, нормальные люди обычно верстают на QuarkXPress или PageMaker.

FrameMaker – трудная программа. Она специально устроена так, чтобы в ней можно было разобраться только ценой титанических усилий. Желающих обучиться и работать верстальщиком набралось 3 чел. Сначала обучение в течение недели, потом что-то вроде экзамена. Того, кто продемонстрирует зачатки способностей разобраться с этой замечательной программой, примут на работу.

Так называемые занятия длились часа по полтора день. Самый маститый верстальщик, Саша, обучал. Он просто сидел, уткнувшись в монитор, и выполнял какую-то работу, изредка сопровождая ее отрывистыми комментариями, от которых становилось безнадежно. Программа нерусифицированная, все на английском. Саша молниеносно нажимал горячие клавиши, сам себе говорил «понятно», а на мониторе что-то затейливо мелькало, и вот уже из сплошного неупорядоченного буквенного месива получалась красивая страница будущего журнала, или среди текста появлялась какая-нибудь дурацкая картинка, или раз, и возникал правильно оформленный заголовок. Это все как-то происходило. Другие верстальщики вокруг тоже верстали, молчаливо и самоуглубленно. Тихонько звучало радио максимум. Изредка ныл-подвывал сканер. Саша механистично вежлив. У вас есть вопросы. Да, а можно вот... а как вот это все... как вы все это делаете. Здесь надо просто отключить вот эти опции. Здесь выставляем значение шесть, а здесь десять. Включаем обтекание. Надо выставить интервал. Обязательно включить вот этот чекбокс. Чек что? Бокс. А. Понятно.

Назначили экзамен. Пришел. Дали огромную папку с тесемочками. Папка была порождена в недрах издательства машиностроение. В папке была книга про машиностроение. Электронинформ специализировался на верстке подобного. Листочки с напечатанным на машинке текстом, через два интервала, как положено. Рукопись. К рукописи приложена дискета с текстом. Эту книгу надо сверстать. С самого начала. Садитесь вот сюда, начинайте. Будут вопросы – задавайте. Только не слишком много. Разобраться. Надо разобраться. Все же сашино обучение не прошло совсем даром. Кое-что осело, как это бывает при получении гомеопатической дозы, наливают в пробирку какое-нибудь вещество, потом выливают, а на стенках остается чуть-чуть, для глаза незаметно, но все же остается, вот так и здесь. Что-то осталось на стенках головы. Большинство слов в английском языке имеют латинское происхождение, когда-то в школе изучал французский, а потом еще испанский, и многие команды в меню понятны, и еще некоторые знакомы по работе с программой MS Word. Ну там открыть, закрыть, сохранить, сохранить как, создать. Переименовать. Удалить. Залил текст в новый файл. Текст в папке размечен техническим редактором. Сейчас эта алхимическая профессия уже почти умерла. Может быть, это и к лучшему. Размечены отступы, спуски, шрифты. Полуужирный, светлый. Все в пунктах, квадратах.

Один пункт равен 0,376 мм. Квадрат – это такая мера длины. Один квадрат равен 48 пунктам. Длинное

тире получается так: надо нажать клавишу alt и, удерживая ее, последовательно нажать комбинацию цифр 0151.

Имя автора. Заголовок. Задал отступ. Задал спуск. Сведения об издании. ISBN, ББК, УДК. Все размечено до миллиметра. Вернее, до пункта. Аннотация. Иногда спрашивал Сашу, а что тут имеется в виду, он с механистической вежливостью отвечал, пояснял. Постепенно добрался до самого текста. Заголовки глав, подзаголовки. Заголовки и подзаголовки выстраиваются в стройную многоступенчатую иерархию, как люди на Земле или тонкие существа на небесах. Для каждого типа заголовка или подзаголовка задается свой стиль. Потом достаточно просто поставить курсор в нужный абзац и ткнуть мышкой в нужный стиль. Удобно. Что-то в этом есть. Сверстал несколько полос. Уже темно, ночь практически. Саша говорит идите домой, завтра сможете прийти, конечно, можно и вечером, если хотите, можно в ночную смену, мы вообще-то заранее на неделю график составляем, так что с этим проблем нет, а как насчет экзамена, он что уже окончен, нормально, вроде у вас получается, так что приходите, работайте.

В Электронинформе зарплата выплачивается очень аккуратно, строго по пятнадцатым числам каждого месяца, но зарплата маленькая. Продолжал ездить с чаем по городкам, а вечерами и ночами верстал. Обычно так: пришел вечером, на всю ночь, сра-

зу с большой сумкой, после ночной работы сразу утром в подвал на улице Щепкина, потом в какой-нибудь городок. Вечером домой, спать, а на следующий день опять вечером верстать, утром в подвал и в городок, и так вот постоянно. Торговля шла, верстка тоже шла. Все шло. Как-то.

Поездки на сашиной таврии прекратились по техническим причинам, зато жена стала помогать, и частенько ездили в городки вдвоем с женой, на электричках. Утром после верстки ехал на улицу Щепкина в чайный подвал, и она уже ждала, и ехали вместе, и получалось очень хорошо, особенно хорошо однажды съездили в Хотьково, это такой маленький городок неподалеку от священного города Сергиев Посад, Хотьково расположено на холмах, и там тоже есть монастырь, уже ранняя осень, прохладно, но тепло, не спеша обошли Хотьково, забредали в конторки, чай быстро весь распродался, и просто так гуляли, и на станции потом ждали электричку, и было все равно, когда она придет, и она пришла, полупустая, ехали в Москву, осень, Ярославское направление особенно красиво осенью, это было очень хорошо, потом, через несколько лет стало хуже, стало плохо и расстались, а тогда было очень, очень хорошо.

Ночью в Электронинформе пусто, пустое пятиэтажное здание, правда, внизу вахтер должен сидеть, но однажды ночью зачем-то спустился на первый этаж, а вахтера не было, так что пусто, никого нет, один в пустом пятиэтажном здании, и как-то иногда не по себе

от этого было, как в детстве, когда страшно в темноте или в пустом доме. За окном бледное сияние Газпрома, мертвенная бледность в ночи. Это было не очень приятно. А приятно было то, что другие верстальщики постоянно приносили кассеты с разной интересной музыкой – Никкейв, Джойдивижн, Сьюксиэндзбэншиз, Таксидомун, Филипглас, Коктотвинз, Виммертенс, Дэдкеннедиз, Клаусноми, эти кассеты всегда валялись россыпью около магнитофона, и ночью можно было громко включать и слушать, или радио максимум, там тоже тогда много хорошего было. Однажды кто-то принес кассету Current 93, печальная, невыносимо красивая музыка, такую музыку, наверное, сочиняют грустные боги, наблюдающие за человеческим весельем и разгулом, это было как раз в ночь перед похоронами, вернее, не похоронами, а кремацией, погиб близкий друг, выбросился из окна своей квартиры на восьмом этаже, и утром надо было идти на похороны (кремацию), и всю ночь верстал и слушал Current 93, один в пустом пятиэтажном здании, и временами казалось, что все мертвые сошли со своих адских небес, незримо столпились вокруг рабочего места и внимательно наблюдают за версткой, правильно ли сделаны отступы, верно ли заданы стили и ставятся ли на нужные места подрисуночные подписи. Чарующая печальная музыка, пустое пятиэтажное здание, черное небо и бледное сияние Газпрома.

Утром надел одежду почернее и поехал в морг института Склифосовского. Два зала, один большой, другой маленький. Прошел в маленький зал, там надо

было подождать, а в большом было очень много людей в военной форме, особенно солдат, и вдруг дико закричала какая-то женщина, может быть, мать погибшего военнослужащего, и через двери было видно, как выкатили гроб, и в нем лежала только солдатская парадная форма, наверное, тело не уцелело, может быть, взрыв какой-то страшный был, и вот чисто символически форма лежала в гробу вместо мертвого человеческого тела, мертвая парадная солдатская форма с красными погонами.

Долго ждали в маленьком зале, пахло веществом, которым пропитывают тела, запах немного похож на хвойный, только очень ужасный, народу было немного, мама погибшего и несколько родственников и несколько друзей, молчали, наконец послышалось, как едет лифт, и он приехал, служитель мертвых выкатил каталку с гробом и очень сильно хлопнул дверью лифта, так, что звон стоял в ушах, и этот звон и грохот и дикие крики солдатской матери повисли в воздухе и висели, а люди просто стояли и смотрели на гроб, и даже никто не плакал, потому что плакать среди всего этого было совсем невозможно.

Взяли гроб, понесли к автобусу, погрузили и поехали в церковь рядом с метро Сухаревская. Вообще-то Православная церковь не отпевает самоубийц, потому что самоубийство считается катастрофическим грехом, но была справка о психическом нездоровье, и в резиденции патриарха в Чистом переулке поставили печать и разрешили отпевание. В храме гроб поставили на лавку, и началась панихида. Православное

богослужение обладает мощным психотерапевтическим эффектом. Стало как-то спокойно и даже немного радостно по контрасту с тем, что было в морге. Слова молитвенных текстов и уютно-нереальная обстановка в храме давали понять, что все там будем. Запах ладана гораздо приятнее запаха формалина, или чем там бальзамируют тела умерших людей.

Потом поехали во Второй Московский крематорий, который располагается на Николо-Архангельском кладбище. Как только выехали на Садовое кольцо, посерело и пошел дождь. Мама погибшего сказала, что может быть это к лучшему – ехать в дождь, пусть и в последний путь. Долго ехали в серости и дожде по Садовому кольцу, пробки, много машин. Опять стало уныло, но с оттенком скуки. Свернули на Верхнюю Сыромятническую, проехали мимо огромной серой церкви, похожей на храм Кали в Дакшинешваре, пригороде Калькутты, выехали на шоссе Энтузиастов. Потянулась промышленность – сначала слева почти бесконечный корпус завода серп и молот, потом, справа, здоровенные серые тумбы ТЭЦ около Авиамоторной. Серый день и серый дым из огромной серой трубы. Перовская улица, недра неприятного района Перово. Серые пятиэтажные здания и грязно-белые девятиэтажные здания. Мимо платформы Новогиреево, через кольцевую дорогу. Начался новый район Новокосино, приятные на вид разноцветные дома с квартирами улучшенной планировки, это гораздо лучше угрюмых зданий в Перово или Новогиреево, хотя плохо то, что этот в целом симпатичный район соседству-

ет с крематорием, а, впрочем, что в этом такого, вон, Митино тоже соседствует с огромным кладбищем и крематорием, и ничего.

Второй Московский крематорий – огромное сараеобразное прямоугольное здание, размером и формой напоминающее Центральный Дом Художника. Пристроились в одну из автобусных очередей, которые тянулись к многочисленным воротам. Очереди двигались очень быстро. Подъехали к воротам. Прямо перед воротами, на улице – специальные тележки, предназначенные для гробов. Поставили гроб на тележку, закатали в просторное помещение с черным помостом посередине. С тележки очень удобно перекачивать гроб на черный помост, там даже специальные рельсы предусмотрены. В помещении все сделано так, чтобы было удобнее страдать. На стене, противоположной входу – огромный цветной витраж, сюрреалистически изображающий группу неизвестных существ. У существ были искривленные лица, широко открытые рты, дикие глаза и вздетые к небу руки. Существа то ли страдали, то ли радовались добыче, то ли были сильно напуганы. Это было отчасти похоже на знаменитую картину «Крик» знаменитого норвежского художника Эдварда Мунка, правда, у Мунка изображен человек, а это были вряд ли люди, может быть, ангелы смерти или служители Йамы или просто бесы. На маленьком столике у стены располагались православный крест и символически изображенный еврейский семисвечник с восемью свечами. Рядком стояли маленькие картонные образки, которые дела-

ют в Софрино на фабрике, на которой написано Русь святая храни веру православную. Тут же продавались желтые церковные свечи. Непонятно, куда их ставить. Зачем они продавались. Зачем здесь свечи. Зачем восьмисвечный семисвечник. Зачем крест. Зачем. Зачем.

Пришла специальная женщина в черном со странно блестящими глазами и провела церемонию. Она произнесла короткую речь, что-то там про вечную память, в этот скорбный час и навсегда в наших сердцах, и можно было бы, как это принято, сказать, что речь ее была равнодушной и казенной, и что она просто по привычке отбарабанила стандартный текст, но это было бы не совсем правильно, это было необычное равнодушие, особое равнодушие, свойственное молитвам и заупокойным службам, это была тоже своего рода заупокойная служба, молитва неизвестно кому, может быть, тем существам, которые были изображены на витраже, или какому-то совсем запредельному, пребывающему в вечном неподвижном равнодушии богу.

Потом гроб накрыли крышкой, заиграл орган (магнитофонная запись), женщина в черном нажала кнопку, зажужжал какой-то механизм, гроб стал медленно опускаться вниз, в подземелье, и совсем исчез там, в огненных технологических помещениях крематория, и автоматически закрылись черные створки.

Сели в автобус и поехали обратно в Москву, на бедные, сиротливые поминки. И что тут сказать, ведь не скажешь, что «жалко, что так получилось», это как-то

совсем уж глупо звучит, что значит жалко, просто это был хороший человек, очень, очень хороший человек.

Belle Epoque*

Ближе к зиме процесс чайной торговли гармонизировался и принял совершенные, правильные формы. Доработал до Нового года и ушел из Электронинформа, потому что не имело уже смысла – платили совсем мало, процесс верстки был освоен, и незачем было тратить время, приходить в загадочное здание на Научном проезде и любоваться мертвенным сиянием Газпрома. Стало удобно и упорядоченно. Ничто не отвлекало. Пять или четыре дня в неделю – поездки по городкам, два или три выходных. Появилось много постоянных клиентов, которые заказывали то, что им нужно. Знал, в какой конторе когда будет зарплата. Просто привозил в нужное место и в нужное время – и покупали много и предсказуемо. Каждая неделя была посвящена определенному географическому направлению. Неделю ездил на Север, следующую – на Восток, потом на Юг, и четвертую неделю на Запад. За месяц получался полный круг, по часовой стрелке, и в этом была какая-то приятная языческая космология. Москва как раз расположена очень удачно, точно посередине Московской области, не то что центры некоторых других областей, и это очень удобно. Благословенна подмосковная земля, где есть все, что нужно,

---

* Прекрасная эпоха (фр.)

где все расположено на своих местах, где до каждого места не далеко и не близко, где правильный климат с четко чередующимися временами года, где зимой холодно, а летом жарко, где нет высоких гор и свирепых морей, а только поля, леса, небольшие речки и уютненько-облезлые, вросшие в не очень плодородную почву городки и поселки городского типа. Москву и Московскую область создали улыбчивые, доброжелательно-рассудительные, с сумасшедшинкой, боги, специально для того, чтобы здесь было хорошо, но не очень, а с легким привкусом убожества и безумия, и чтобы было немного загадочно, и чтобы любой человек, живущий здесь на основании постоянной регистрации или приехавший временно по каким-то своим делам, мог остолбенеть не несколько минут или часов, неподвижно уставившись на корявый сарайчик, здание районной администрации или железнодорожную станцию Лобня, и не думать ни о чем, и заметить что-нибудь такое, от чего волосы встают дыбом и что нельзя будет потом забыть, никогда, до самой смерти.

Вот перечень и краткое описание подмосковных городков и поселков городского типа, которые удалось посетить в эту пору.

Талдом

Московская область хоть и небольшая, но разные ее части заметно отличаются друг от друга своими природными свойствами. Если на Юге много полей, перемежающихся перелесками (намек на будущие степи, если продвигаться дальше к Югу), часто расположены

благополученькие и богатенькие населенные пункты, в том числе старообрядческие деревни, то на Севере преобладают диковатые сплошные леса (тоже наискось на располагающуюся дальше на Севере таежность) и некоторая угрюмость пейзажей и населенных пунктов. Талдом как раз расположен на Севере Московской области, среди лесов и затерянных в этих лесах небольших деревенок. В Талдоме мало что есть. Хотя кое-что все-таки наблюдается. Например, Талдом славен своей обувной промышленностью. Правда, эта слава относится, в основном, к далекому прошлому. Приехав в Талдом, надо действовать так. На вокзальной площади, которая представляет собой просто кусок поверхности Земли, покрытый асфальтом и с разных сторон окруженный невнятной растительностью, надо сесть в автобус. Автобус сначала проедет немного вбок от станции, потом повернет налево, потом, у сиротливого, всегда полупустого рынка – направо. Через очень непродолжительное время автобус остановится на Площади. Это – середина и сердцевина Талдома. Здесь, на площади в несколько сотен квадратных метров располагаются почти все конторы и учрежденьца города, включая тихую районную администрацию. Очень удобно торговать, за полчаса можно было обойти кучу кабинетиков и присутствий и продать огромное количество чая. Однажды, не выходя из одной крошечной сумрачной служебной комнатки, продал чая примерно на сто тридцать долларов. Площадь имеет вид смиренный, не амбициозный. Высоких зданий нет, а есть только низкие, ма-

шин очень мало, и люди прогуливаются туда-сюда без видимой цели. На восточной окраине города располагается микрорайон Северный, там конечная остановка того самого автобуса, который неуклюже петляет от вокзальной площади. Поселок Северный состоит из пятиэтажных домов параллелепипедной формы серого цвета и людей. Больше в нем ничего нет.

Дмитров

Древний город, в честь него в Москве названы аж целых две улицы – Большая Дмитровка и Малая Дмитровка. Если идти сначала по Большой Дмитровке, потом по Малой Дмитровке и потом никуда не сворачивать, то придешь аккурат в город Дмитров. В Дмитрове есть кремль. Когда-то раньше это место было окружено крепостными стенами, как положено, а сейчас остались только остатки древнего вала. Внутри кремлевской территории стоит пара церквей. Напротив кремля – рынок. Часто торговал там, продавал чай торговцам, торговцы покупали охотно. Однажды попробовал поторговать по-нормальному, как торговец. Заплатил за место, расставил чай. Купили очень мало. Ребята, занимающиеся рэкетом, в этот день так и не появились на рабочем месте, может быть, страдали похмельем, хотя, если бы они страдали похмельем, они бы, наоборот, приехали и обложили всех торговцев двойной данью, может быть, они просто пили с утра и не приехали, и дань платить не пришлось, а то было бы нечем платить и конфуз бы возник и может быть ущерб здоровью, потому что очень мало купили чая.

Ногинск

Немножко унылый город, хотя и не без некоторой су-етливости. Много параллельных улиц, пересекаемых несколькими перпендикулярными. Самое хорошее место – ЗАГС, там всегда покупали много чая, и смысл поездок в Ногинск сводился обычно к посещению ЗАГСа. На площади посреди города стоит огромная церковь, которую захватила какая-то совсем маленькая полукатакомбная церковь, отделившаяся от Русской Православной Церкви. За это Русская Православная Церковь очень сильно ругала ту маленькую церковь и призывала к покаянию, но тщетно. В Ногинске есть трамвай. На дороге Москва – Ногинск находится населенный пункт с чудесным названием Псарьки.

Орехово-Зуево

Как уже говорилось выше, в этом городе когда-то орудовала, а может быть, и сейчас орудует, банда бандитов, грабящих пассажирские поезда, следующие ночью через станцию Орехово-Зуево. Город уставлен текстильными фабриками, может быть, это одна большая фабрика, но впечатление такое, будто их, текстильных фабрик, много, просто-таки огромное количество. Возможно, это обман зрения. Фабрики (фабрика) красные, кирпичные, как в романе Горького мать. На краю города действует гигантских размеров рынок, место удачной чайной торговли. Среди продавцов рынка были постоянные покупатели, которые заказывали чай, привозил им, и они щедро за это платили. В других местах города продавать чай было бессмысленно.

Шатура

Шатура стоит, вернее, лежит посреди торфа. Это косвенно подтверждается названием маленькой железнодорожной платформы около Шатуры – Шатурторф. Вот таким страшным словом называется эта маленькая неприметная платформа. Летом торф горит, и Шатуру заволакивает дымом, так что жить и передвигаться по улицам становится практически невозможно. Однако в Шатуре живет некоторое количество людей, достаточное для добычи торфа, поддержания в работоспособном состоянии тепловой электростанции, работающей на торфе, а также для производства мебели. Еще в Шатуре есть библиотека и дом быта. Если пойти от железнодорожной станции направо, то вскоре можно оказаться на небольшой круглой площади, посередине которой стоит памятник кому-то. Иногда кажется, что это Ленин. Если продвигаться в том же направлении дальше, можно увидеть электростанцию, но нужно ли? Да, нужно. Есть еще небольшой парк. Одно время в парке находилась замечательная скульптура «Торфяница на отдыхе». Торфяница – это имеется в виду женщина, занятая на добыче торфа. Скульптура изображала толстенькую, ширококостной конституции даму, кружащуюся в медленном изуверском танце. Выражение лица у дамы экстатическое.

Рошаль

Если, посетив торфяной город Шатуру, устремиться еще дальше на Восток (это можно сделать только на

машине или автобусе), то на самом краю Московской области обнаружится город Рошаль. Это так далеко, что кажется, будто бы уехал вообще непонятно куда. Между тем, это всего лишь город Рошаль. Летом здесь очень пыльно, улицы представляют собой просто асфальтовые полосы посреди широких пыльных просторств, ограниченных деревьями, тоже пыльными. Зато в городе есть Дом культуры. Дома, в основном, небольшие, пятиэтажные. Что еще сказать про Рошаль? Ничего. Надо просто садиться в машину или автобус и ехать обратно в Шатуру, а в Шатуре садиться на электричку и долго ехать до станции Выхино или Электрозаводская или до Казанского вокзала, а потом садиться в метро и ехать куда надо, и в следующий раз приезжать в Рошаль только в том случае, если надо поторговать чаем, а больше незачем приезжать в этот город, расположенный на самом краю Московской области.

Егорьевск

Один из городов, которые можно и нужно обозначить словом «хороший». В Егорьевске явственно ощущается наличие городской среды, сложившейся за многие десятилетия и даже столетия. Это выражается в том, что через весь Егорьевск проходит главная улица, уставленная симпатичными купеческими домиками. А параллельно тянутся другие улицы, поменьше, которые тоже уставлены симпатичными купеческими домиками. Есть еще перпендикулярные улицы, уставленные тем же самым. Аккуратненько. Тут и там стоят церквушки,

построенные на деньги купцов, переживавших невротические состояния по поводу своих несправедливо нажитых богатств. Ну и, конечно, новый микрорайон на отшибе, мало чем отличающийся от микрорайона Северный в Талдоме. В Егорьевске все соразмерно и гармонично, и даже фабрика (по виду – текстильная) выглядит уютно и умиротворенно. В Егорьевске крайне удачно шла чайная торговля, достаточно было просто идти вдоль главной улицы и заходить в попадающиеся на пути конторки, и вот уже в кармане много денег, и чай весь распродан, и ура, какой хороший город, действительно, про Егорьевск можно сказать только хорошее. Ехать в Егорьевск и из Егорьевска тоже приятно – от и к метро Выхино на комфортабельном автобусе икарус по живописному Егорьевскому шоссе, мимо веселеньких деревенок, мимо поселка Гжель, где делают гжель. Большинство населения Егорьевска ездит на работу в Москву.

Луховицы

Однажды поехал в Луховицы на электричке Москва – Рязань. Дело было зимой, градусов двадцать или двадцать пять было, в смысле минус. Незадолго до Луховиц увидел зрелище. В морозном кристаллическом небе сияла радуга в форме вертикального столба. Больше поселок городского типа Луховицы ничем не примечателен, кроме того, что от него ответвляются автомобильная и железная дороги на Зарайск. В поселке Луховицы есть профессиональная футбольная команда «Спартак» (Луховицы), играющая во Второй лиге чемпионата России по футболу.

Зарайск

Это очень далеко. В Зарайске тихо и спокойно. Посреди Зарайска находится кремль, он довольно облезлый и маленький, но все же кремль. Вокруг кремля толпятся маленькие домики, в которых расположены маленькие магазинчики и конторки. Тишина и спокойствие. Местные жители сонливы, чай покупают неохотно. Везде пахнет природой и деревом. Благословенное место – Зарайск.

Озера

Рядом с Озерами действительно есть небольшое такое озерцо. А чуть подальше – река Ока. В Озерах есть гостиница, и совершенно непонятно, кто там может останавливаться. В гостинице расположено несколько затхлых, маленьких офисов. Зато в Озерах есть текстильная фабрика, и там есть даже отдел маркетинга. Однажды удалось продать сотрудникам этого отдела (в количестве одного дядьки) некоторое количество чая Маброк. Если идти по главной улице (кажется, Ленина) к зданию районной администрации, а потом повернуть налево, то через несколько минут неторопливой ходьбы можно прийти к железнодорожной станции Озера. Один или два раза в сутки от этой станции отправляется крошечный, убого-уютный поезд до станции Коломна. Станция Озера – замечательная. Там можно просто сидеть на платформе и наслаждаться отсутствием каких-либо шумных или больших предметов и событий вокруг.

Коломна

В Коломне есть трамваи. В Подмоскowie есть еще только один город с трамваями – Ногинск. Но в Ногинске существует всего один маршрут, кольцевой, однопутный, а в Коломне трамвайных маршрутов штук пять как минимум. Среди трамваев попадаются старые, такие в Москве ходили годами в пятидесятых, а в Коломне до сих пор они в строю. Еще в городе есть огромный тепловозостроительный завод, а раньше на нем делали паровозы, в ознаменование чего перед заводом на постаменте стоит черный паровоз. Коломна – очень большой и цивилизованный город, там приятно и хорошо, и слияние рек (Ока и Москва), и женский монастырь (Голутвинский), и древний кремль. Чай покупают плохо. Однажды долго и бессмысленно бродил по Коломне в поисках покупателей чая, кое-что продал, но совсем мало, только чтобы окупить дорогу, пришел на железнодорожную станцию Голутвин (это, собственно, Коломна и есть, просто так станция называется), сидел там долго в ожидании электрички, пришла рязанская электричка, долго, долго ехал в ней до станции Выхино, и было устало-приятное ощущение большого путешествия, которое, хоть и не принесло видимых результатов, но принесло результаты невидимые, и какие-то малозаметные, но важные изменения произошли в душе, и спасибо за это городу Коломне, районному центру в Московской области.

Кашира

Кашира расположена на Оке и связана с физическими страданиями. Однажды заболела нога, на ней

что-то такое вскочило, и стало трудно ходить. Однако же в полшестого утра взял сумки с чаем и поехал в Каширу. Хромая, вышел из электрички, огляделся. Много маленьких домиков, а города как-то не видно. Поковылял к автобусной остановке. Спросил, где тут районная администрация и вообще центр города. Сказали с центром туго, город весь разбросан частями по довольно большому пространству. Но если хотите в администрацию, то вам надо сесть в автобус и доехать до администрации. Сел в переполненный автобус, с сумками, очень неудобно, поехал. Не подскажете, когда администрация? Тогда-то. Вышел. Через дорогу – огромное здание из светлого кирпича. Это администрация Каширского района Московской области. Вокруг лес. Больше ничего нет. Вошел в администрацию. Охранник. Вы куда, по какому вопросу, торговать у нас тут запрещено, строго запрещено, глава администрации запретил, так что я вас пустить не могу, нет, не могу, распоряжение главы администрации. Вышел. Лес, дорога. Мороз. Нога болит. Что делать. Что делать. Опять спросил у подвернувшегося человека а где центр города, как туда добраться, говорит, на автобусе вон в ту сторону, столько-то остановок, хотя это и не совсем центр. Поехал, опять в переполненном автобусе, автобусы в Кашире все время переполнены. Приехал в какое-то место, действительно похожее на город. Стоят дома, церковь. Налоговая инспекция. Поплелся в налоговую инспекцию. Вообще-то, молодой человек, мы вас и оштрафовать можем за незаконную торговлю, ну ладно, давайте, вот сюда вы-

ставляйте ваш чай, давайте, купили много чая, и не оштрафовали, это они так пошутили, и потом обошел еще несколько конторок вокруг налоговой инспекции и все продал, а ведь так ужасно все начиналось, и все это с больной ногой, хромая. Поэтому Кашира связана с физическим неудобством и чувством победы над этим неудобством, хотя у других людей Кашира, наверное, связана еще с чем-нибудь, с Окой, с судоремонтным заводом, с петляющей по склону дорогой к станции, по которой автобусы съезжают с выключенными двигателями, это для экономии так делается, потому что им солярки мало выделяют, и на целый день не хватает, и вот водители так приспособились экономить. С городским транспортом в Кашире плохо, да. Нога потом прошла.

Чехов

Город Чехов бестолков, примерно как Кашира, только хуже. Как и Кашира, Чехов разбросан. Городской среды, в отличие от Егорьевска или, скажем, Волоколамска, не ощущается. Поверхность Земли, по которой беспорядочно расставлены каменные объекты. Идешь, идешь. Кажется, вон там администрация, или вон там вон дом культуры, идешь туда и не находишь ничего, только какие-то пустыри, канавы и туповато-неорганизованные улицы, и сонные серые дома, и маленькие кривенькие домики у моста. И если спросить где тут администрация или дом культуры, то никто толком так и не сможет объяснить, только машут руками – там, туда идите, и если туда идти, то ничего не найдешь, кроме опять же пусты-

рей и плохо организованной серости. Около станции рынок, как-то раз слякотной зимой приехал туда, чтобы продавать чай торговцам. Рынок утопал в слякоти. На лотках громоздились некачественные товары. Чеховские бабы медленно прохаживались по рынку в длинных шубах, по щиколотку в мокрой слякоти. Подолы меховых шуб были мокрыми и грязными, но баб это не смущало. Чехов – не очень хороший город. Чехов – очень хороший писатель.

Руза

Ехать в Рузу приятно. Там нет железной дороги, и ехать надо на автобусе от метро Тушинская, довольно долго, по западной части Подмосковья, по Новорижской дороге, до Новопетровского, потом налево, мимо населенного пункта Брикет, мимо водохранилища. Однажды на Новорижском шоссе что-то ремонтировали, и автобус поехал по небольшим дорогам, через Звенигород, и это было прекрасно. Руза – небольшое скопление небольших кургузых домиков и предметов неясного предназначения, все маленькое, серо-линяло-облезлое, и в этом есть какое-то особое кособокое очарование. Руза стоит на реке Руза. Уютный, хороший городок. Обрато обычно уезжал вечером, когда автобус до Тушинской уже не ходил, и ехал на маршрутке до станции Тучково, потом на электричке до платформы Беговая, потом на метро до станции Тушинская, и домой. На автобусе 266. Но однажды получилось по-другому. Однажды закончил торговать раньше обычного, и еще оставался один автобус до Тушинской, но выяс-

нилось, что он пойдет только до Новопетровского. Подумал а что, нормально, в Новопетровском можно сесть на электричку и доехать до станции Тушино, и будет хорошо, поехал. Пока доехали до Новопетровского, стало уже совсем темно, потому что была зима. Почти полная темнота. В стороне видны редкие тусклые огни домиков, из которых состоит населенный пункт Новопетровское. На железнодорожной платформе бледно светятся два фонаря. И все. Полная пустота, темнота и отсутствие всего. Как ни странно, над билетной будкой горела лампочка, а внутри сидела бабулька с целью продажи билетов. Страшная профессия. Посмотрел расписание. Ближайшая электричка через полтора часа. Полная покинутость, холод, снежный простор и одиночество, потому что бабулька не считается, она как некое незримое местное божество или ангел, и одиночества не рассеивает. Чуть позже на платформе появился еще какой-то мужичок, потерянно бродящий. Подошел. Что, электричка не скоро? Через полтора часа. Пошли на Волоколамку, может, кто-нибудь до Истры подбросит. Пошли. Волоколамка была рядом. Стали ловить. Довольно быстро остановился огромный автомобиль КраЗ, водитель которого, не взяв денег, довез до Новоиерусалимской, где уже стояла, дожидаясь пассажиров, теплая электричка на Москву, и все закончилось хорошо.

Верея

Все, сказанное о Рузе, справедливо для города Верея. За исключением того, что Верея называется не

Руза, а Верея, и стоит она не на реке Руза, а на реке Протва, и автобус идет не через Новопетровское, а по другому маршруту, но тоже от Тушинской.

А так – все то же самое.

Волоколамск

Очаровательный город, туда даже экскурсии возят, такой он весь хороший и красивый, на холмах, и кремль там есть. Только вот в плане чайной торговли город совершенно бесполезный. Недалеко от Волоколамска находится монастырь, в котором когда-то давно подвизался преподобный Иосиф Волоцкий, известный русский святой. Иосиф Волоцкий возглавлял движение иосифлян и полемизировал с преподобным Нилом Сорским, еще более известным и великим русским святым. Иосиф считал, что церковь должна быть богатой и помпезной организацией, монастыри должны иметь обширные и прибыльные хозяйства, и все это под предлогом того, что надо, дескать, «помогать людям», «кормить бедных» и т. д. А Нил говорил, что это все ненужно, и монастырям достаточно таких хозяйств, чтобы хватало только прокормиться самой скудной пищей, и что монахи должны не хозяйством заниматься, а духовной практикой. А бедным пусть помогают богатые. Победила точка зрения Иосифа, и последствия этого можно теперь наблюдать повсеместно. В Волоколамске есть улица с таким крутым подъемом, что автомобиль волга преодолевает этот подъем только на первой или второй передаче, а на

третьей глохнет и начинает катиться вниз, в бездну.

Шаховская

Несколько раз ездил в поселок городского типа Шаховская зимой. По привокзальной площади ездят два трактора К-701, чистят снег. Похоже на танковые учения. Тракторы выше всех окружающих строений. Это весьма удивительно. В Шаховской Рижское направление Московской железной дороги перестает быть электрифицированным (кончаются провода над путями) и двупутным (остается только одна колея). Как будто заканчивается цивилизация и начинается дикая природа. Если от станции пройти по улице вдоль железной дороги в сторону, противоположную той, где находится Москва, то можно выйти к железнодорожному переезду и увидеть, как железнодорожная колея, плавно поворачивая, исчезает в строгом зелено-черном еловом лесу. Ради одного этого стоит приехать в поселок Шаховская.

Вот и получился полный круг, от Талдома до Шаховской, и потом снова Талдом, с Севера на Восток, с Востока на Юг, с Юга на Запад, с Запада на Север, по часовой стрелке. Таких кругов было сделано несколько, потому что несколько месяцев длилась эта прекрасная эпоха.

Rage Against The Machine*

Потом появилась машина и за несколько месяцев погубила этот немного нелепый, чудаковатый, но все же бизнес.

Дальше все кратко, пунктиром, потому что описываемый период жизни стремительно катится к своему завершению.

Отец жены (кажется, это называется прекрасным словом тесть), щедрый и вообще хороший человек, сказал как-то раз слушай, бери мою машину, все равно она никак не продается, бери, пользуйся, мне она все равно не нужна, пусть это будет мой вам (в смысле, с женой) подарок.

Машина ГАЗ-2410, волга, большая, железная, белая. Очень хорошая. Полюбил ее с первого взгляда.

Пошел в автошколу. Газ, тормоз. Сцепление. Первая передача, вторая передача. Отжал сцепление, воткнул первую, плавно отпустил сцепление и одновременно плавно на газ, плавно, нет, не так, плавно, я же говорю, вот так, вот, поехал, поехал, не бойся, поворачивай, заглох. Давай сначала. На нейтралку. Отжал

---

* Примерный перевод - ярость по отношению к машине (англ.). Американская музыкальная группа лево-радикального толка, играющая очень агрессивную и шумную музыку. На концертах один из участников группы выступает в красной футболке с белыми буквами «СССР» на груди. В такой же форме выступали футболисты сборной СССР.

сцепление. Замечательный инструктор попался. Он приезжал на утренние занятия в состоянии катастрофического похмелья и неспособности к каким-нибудь конструктивным действиям. В этом состоянии он сел за руль и уверенно выезжал на трассу. Трасса представляла собой обычную улицу в Митино, по которой ездили машины. У ларька он тормозил, покупал бутылку пива, жадно отпивал от нее, и занятие началось. Потом его уволили. Кажется, за пьянство.

Сдал экзамены, получил права категории В. Сел за руль машины волга. Она большая, в отличие от автошкольных жигулей. Как корабль. Совершенно правильно люди шоферского склада называют ее "баржой". Это так и есть. Сразу начал много ездить. Конечно, машина – серьезное подспорье в чайной торговле. Набил багажник и заднее сиденье чаем, самым разным. Полный ассортимент. И поехал. Например, можно сначала поехать в Дмитров, потом в Клин, а потом еще в Солнечногорск, продать весь чай, имеющийся в наличии, заработать кучу денег и при этом вернуться домой в пять часов, не особенно уставшим. Хорошо. Эх.

А навыков вождения толком-то и нет. Поэтому произошли три мелкие аварии.

1. На Московской Кольцевой Автомобильной Дороге в то время была масштабная реконструкция. К 850-летию Москвы дорогу расширяли. Раньше было по две полосы в каждую сторону, а теперь делали по пять.

Часть дороги к тому времени уже расширили, а часть – нет, и поэтому тут и там образовывались «бутылочные горлышки», когда, например, пять полос превращаются в одну. Ехал, ехал по Московской Кольцевой Автомобильной Дороге, попал в бутылочное горлышко. Правый бок волги соприкоснулся с огромным (выше волги) колесом огромного грузового автомобиля. Никто не виноват. Вернее, виноваты оба. Расцепились и поехали дальше. Претензий нет. На правом крыле образовалась вмятина, серьезно ухудшившая внешний вид машины, но не отразившаяся на ее ходовых качествах.

2. Разворачиваясь во дворе, задел передним правым крылом (многострадальным) заднюю фару и крыло мирно стоящих жигулей девятой модели. Фару снес вообще, крыло помял. Волга не пострадала практически, не считая мелкой вмятинки на и без того помятом крыле. Оставил под стеклоочистителем записку: по вопросам причиненного Вам ущерба позвоните по такому-то телефону. И уехал. Приуныл, испугался. Разборки, выплаты. Неизвестно, чья это девятка, может, какого-нибудь начинающего бандита. Ох. Вечером приехал, посмотрел – девятка стоит на месте, записки нет. Проходит день – не звонят. Может, в отпуске люди. Оставил еще одну записку такого же содержания с пометкой «повторно». Позвонили. Приятный женский голос. Подходите к машине, я сейчас спущусь. Молодая девушка, симпатичная. Очень, говорит, интересно посмотреть на человека, который по два раза такие записки оставляет. Да, вот. Тоже очень

приятно с вами познакомиться. Думал, может бандит какой-нибудь, а тут – такая симпатичная девушка. Нет, это у меня муж бандит, но он сейчас в больнице лежит, так что вам повезло, а то бы он конечно огого. Симпатичная, интеллигентная, улыбающаяся девушка. Ужас. Ущерб оценила в какие-то копейки, всего триста тысяч, думал, тут на несколько миллионов счет пойдет, а нет, всего триста. Сразу заплатил, естественно. Потом еще несколько раз встречал эту девушку, улыбались друг другу.

3. Въезжая во двор, не справился с управлением (там пригорок такой земляной) и врезался в большую кучу мусора, которая лежала просто так, посреди двора. Мусор мягкий, обошлось без повреждений.

Машина практически сразу начала разваливаться на части, и все заработанные деньги тратились на ее ремонт. Стало плохо работать рулевое управление. Руль поворачивался с таким трудом, что его уже можно было считать тренажером для наращивания мышечной массы. Одновременно повредилась тормозная система – сломался главный тормозной цилиндр, и тормозящее усилие, вместо того, чтобы поступать одновременно на все четыре колеса, поступало на какое-нибудь одно, и всякий раз на разные. Машину со страшной силой бросало в сторону. В сочетании с практически полной непроворачиваемостью руля это было особенно весело. В таком режиме проехал несколько сотен километров. Потом пришлось полностью перебирать весь передний мост и чинить тор-

мозной цилиндр. Еще потом сломалось сцепление, прямо на перекрестки, остановился у светофора, а потом, когда зажегся зеленый, не смог тронуться с места. И других еще поломок было много, более мелких, и всякий раз на ремонт уходила куча денег, и чайная торговля постепенно потеряла смысл. За всей этой ремонтно-денежной суетой как-то совсем ушло в тень просто удовольствие от езды, от управления машиной (а это действительно большое удовольствие), от свободного, вне зависимости от расписаний, преодоления больших пространств, от ощущения туповатой железной мощности и неповоротливой стремительности этого замечательного, сильного и красивого автомобиля волга, и теперь толком даже и нечего вспомнить, ну да, объехал кучу городков, в сущности, тех же самых, что и раньше, когда ездил на электричке, бесконечная дорога впереди, светофоры в городках, пробки на Московской Кольцевой Автомобильной Дороге, бесчисленные аварийные ситуации, торможение в сантиметре от бампера мерседеса или грандче-роки – все это как-то смешалось в мутную кучу мелко-нервных обстоятельств, и ничего в этом нет интерес-ного и поэтического, а в путешествиях на электрич-ках и автобусах почему-то было.

Хотя управлять машиной – приятно, очень приятно. Однажды на новом Каширском шоссе, широком и пус-том, разогнался до 140 километров в час. Больше не по-лучилось. Гром и грохот, и дрожь, кажется, сейчас взле-тит или развалится, здорово, прекрасно.

Так прошло все лето. Однажды, в конце августа, поехал торговать в священный город Сергиев Посад, и на обратной дороге, на Ярославском шоссе, остановился и вышел из машины. Просто постоять. Уже чувствовалось приближение осени, и в воздухе было как-то холодновато и тревожно, так всегда бывает в конце августа, буквально неделю всего, а в начале сентября это происходит и наступает уже просто осень. Стоял, смотрел на поля, и возникло ясное понимание, что это последняя поездка с чаем, что пора завязывать с чайной торговлей, не то чтобы совсем уж надоело, нет, можно было бы и еще, но не хотелось дожидаться момента, когда возникнет ненависть к этой работе и к себе, занимающемуся этой работой, и поэтому пора было с этим заканчивать.

Опять, опять, объявления о работе. Работа для вас, работа сегодня, из рук в руки. Редактор, корректор, оператор верстки. Пока не найдется нормальная работа, решил заниматься тем, что в России принято сейчас называть словами «колымить» или «бомбить», то есть, оказывать населению услуги извоза. Днем бомбить побаивался, потому что ездить днем по Москве начинающему водителю – смерти подобно. Поэтому выезжал часов этак в восемь вечера, когда уже темнело. Тактика была такая: кружиться по Митино, мимо зланных автобусных остановок, где люди часто «ловят тачку». Стоять на остановке и ждать пассажиров было нельзя, потому что все остановки оккупированы мелкими бандочками бомбил, и если вот так остановится, то примерно через минуту ударят по физионо-

мии и проткнут шины, потому что место денег стоит, так что приходилось наматывать круги – по Дубравной улице до пересечения с Митинской, потом направо по Митинской, потом опять направо на Барышиху, и снова на Дубравную, это малый круг, а в следующий заход на большой круг – по Барышихе до конце, до Пятницкого шоссе, потом по Пятницкому до 1-го Митинского проезда, потом направо, и опять по Барышихе. Иногда несколько таких кругов давали улов в виде пассажира. В Центр – сто тысяч, до метро – двадцать, в Строгино – тридцать. ВА Крылатское – пятьдесят. Куда-нибудь на другой конец города, в Выхино, например, – сто пятьдесят. Иногда улова не было. Впрочем, так, чтобы совсем не было – такого не было, конечно. Всегда кто-нибудь находился. Хорошо было, когда ехать надо было далеко, потом по дороге обратно был неплохой шанс подцепить другого пассажира. Ближе к часу ночи ехал к метро Тушинская и кружил уже вокруг метро, через каждые две минуты проезжая мимо автобусных остановок, где толпились припозднившиеся пассажиры, которым надо было в Митино или в Красногорск. До Митино двадцать, до Красногорска пятьдесят.

Машина волга потребляет очень много бензина. Примерно 15 литров на сто километров езды по городу. Это много и разорительно.

Однажды бессмысленно петлял по Митино без какого-либо результата. Уже приближался час ночи и пора было

ехать к метро, когда объявился первый пассажир. Странный парень со странной дикцией, немного не в себе, нет, не пьяный, а просто не в себе по жизни, такое впечатление сложилось. Попросил отвезти его в какую-то деревню Дмитровского района Московской области за сто рублей. А если быстро и если успеть до двух часов, то еще двадцать рублей сверху. Ох. Не хотелось тащиться в такую даль всего за сто, пусть и двадцать, рублей. И ведь обратно в любом случае вхолостую ехать. Но все-таки почему-то поехал. По дороге паренек рассказывал про то, что он очень богатый и у него очень много машин. И мерседес, и бээмвэ, и еще у жены какой-то маленький джип... Выглядел паренек как начинающий реализатор на оптовом рынке, недавно приехавший из Украины или Белоруссии. Совершенно сумасшедший. Как-то странно быстро приехали в требуемую деревню, это оказалось недалеко. Получил сто двадцать рублей, поехал обратно. Совершенно пустое, неосвященное Дмитровское шоссе. Два мужичка толкают заглохшие жигули. Останавливаться не стал, все-таки ночь, мало ли что. Заехал на заправку. Пока заправлялся, эти мужички дотолкали свои жигули до заправки. Один из них подошел. Вы извините, вот, видите, машина сломалась, у нас там небольшой груз, бумажные пакеты, они в багажник уместаются, вы не могли бы подбросить до метро Дмитровская, мы бы пакеты к вам погрузили и я бы с вами поехал, а товарищ мой бы тут с машиной остался бы разбираться, а то нам срочно. Сто тысяч. Приятный, вызывающий доверие человек. Согласился, поехали, доехали, все нормально, получил столик, потом на Ленинградском проспекте

посадил еще одного пассажира, ему в Тушино надо было, бандитского вида, за всю поездку ни слова не произнес, но аккуратно расплатился, а потом в Тушино еще был пассажир, в общем, на редкость удачно все получилось благодаря тому полубезумному пареньку из неизвестной деревни Дмитровского района Московской области.

Так прошел весь сентябрь, и ни разу не кинули, это удивительно, потому что все-таки опасная очень работа, и люди разные садятся в машину, Господь уберет, слава Тебе, Господи.

Надо было на неделю съездить в Мурманск по одному делу, а уже начало октября, скоро снег выпадет, решил на машине зимой не ездить, отогнал машину на специальную стоянку, решил, что по приезде из Мурманска непременно надо будет найти работу, просто вот костью лечь, но найти. Мурманск – чудесный город, скалы, море, вернее, не совсем море, а Кольский залив. Глубина Кольского залива достигает трехсот метров, а по ширине он в районе Мурманска примерно как Нева. Очень странное зрелище – посреди как бы реки стоит колоссальных размеров танкер. Немного севернее Мурманска базируются ледоколы и подводные лодки. В Мурманске также есть улица с романтическим названием Полярные Зори и место «Долина уюта». Осенью в Мурманске довольно-таки мерзопакостно, темно, дождливо и слякотно, но все равно приятно, уж больно хорош этот город. В Мурманске зимой холодно, но Кольский залив никогда не замерзает, потому что гольфстрим.

Вернулся из Мурманска. Денег нет, долги. Судорожный поиск работы. Звонил по всем объявлениям подряд. Редакторы, корректоры, корреспонденты. Верстальщики. Почти каждый день ездил на собеседования. Везде мимо. Не то, все не то. Или не берут, или какая-то фигня вместо нормальной работы, гербалайф там или что-то подобное. А денег нет. А долги. Что делать-то. Собственно, выбора особого не было. С утра взял две сумки (одну черную через плечо, другую в красно-синюю клетку), поехал на улицу Щепкина, набрал чая и поехал по привычному маршруту – в Выхино, оттуда на автобусе, в славный маленький город Бронницы. Прошел по знакомым конторкам, везде встретили очень приветливо (по старой памяти), продал весь чай, заработал триста тысяч (пятьдесят долларов). А что, неплохо. Когда утром из дома уходил, жена сказала, что вчера звонили, приглашали на собеседование, на бумажке адрес записала. И какое-то такое чувство было после посещения Бронниц, что а на фига на это собеседование вообще идти, опять какая-нибудь хрень, гербалайф опять наверное, ладно, надо заехать, для очистки совести. Приехал в офис, расхристанный, с заляпанной грязью сумкой через плечо. Полное равнодушие, все пофиг. Триста тысяч заработал – и ладно, завтра еще съезжу в Талдом, может, тыщ на четыреста или пятьсот наторгую, постепенно долги раздадим, вообще, все нормально. Предложили пройти тест Опросный лист с диким количеством совершенно бессмысленных на первый взгляд вопросов, на которые надо отвечать, не задумываясь, потому что нет правильных и неправильных ответов, и если будешь думать, то

только хуже будет, а потом компьютерная программа ответы на вопросы сопоставляет друг с другом и делает вывод о кандидате, насколько он полный идиот и законченный негодяй, или все-таки не совсем законченный и полный, каким предается половым извращениям и насколько непоправимый ущерб принесет фирме, если это исчадье принять на работу. Ответил на все вопросы. Сказали приходите завтра на собеседование. На следующий день не поехал в Талдом, хотя хотелось, но собеседование назначили на первую половину дня, оделся поприличнее, поехал. Милая, обаятельная женщина, возглавляющая проект, расспрашивала о профессиональных качествах и опыте. Поговорили. Выяснилось, что работа-то хорошая. Хорошая работа. То, что надо. Говорит ладно, мне еще надо подумать, я вам сегодня позвоню и скажу о своем решении. Приехал домой, лег на диван и лежал в оцепенении. Позвонил секретарь. Вы приняты, приходите в понедельник к десяти.

Так закончилась работа с чаем, черным и зеленым, цейлонским и китайским, и началась работа в качестве главного редактора переводного (с английского) журнала, без систематического знания английского, но ничего, справился, втянулся, хорошая работа, довольно – таки интересная, и зарплата очень немаленькая, но это уже совсем другая история, рассказывать которую совершенно необязательно.

2003